

Смена

и
у
к

23/24

Результаты второй игры в Буримэ

Во второй игре приняли участие около трехсот человек. Мы считаем, что на этом можно остановиться и подвести итоги. Итак, вторая игра закончена.

Во вторую игру нами были даны:

1. Рифмы для стихотворения в 12 строк.

рабфаки
десять лет
факал
побед
стремленья
боюсь
пенье
вуз
будем
нить
людям
октябрь.

II. Начало строк четверостишья, в котором нехватает по одному слову в каждой строке.

Наш век живей и . . . . .
Других веков, прошедших . . . . .
Друзья, восторженною . . . . .
Мы встретим праздник . . . . .

По просмотре присланного редакция решила премировать двумя премиями (второй и третьей: «Смена» на 3 месяца и «Смена» на 1 месяц в 1928 г.).

Вторую премию получил Б. Дворецкий (г. Новоржев, Псковского округа, ячейка ВЛКСМ РИК 'а), приславший верное и лучшее решение обих задач.

I решение:

Кипят залорные рабфаки,
А ведь всего лишь десять лет—
Как горло вспыхнул яркий факал
Надежд, стремлений и побед.
Исполнен к знанию стремленья,
Я схваток с жизнью не боюсь.
Звени же, молодости пенье!
Придет пора: окончив вуз,
Мы прясть легко и просто будем
Рукой умелой жизни нить.
Нам—юным, бодрым, новым людям—
Дано весь мир обоктябрьить!..

II решение:

Наш век живей и интересней
Других веков, прошедших зря.
Друзья, восторженною песней
Мы встретим праздник Октября!

Третью премию получил военкор Дорощев (г. Очаков, артилл 44, батарея № 2), удачно выполнивший первую задачу.

Тогда не те имели мы рабфаки.
Прошло с тех пор уж десять лет,
Когда светила лишь, как факал,
Возможность будущих побед.
Бодрило нас одно стремленье,
Не знали слова мы «боюсь».
Окопы, фронт, походы, пенье—
Были для нас рабфак и вуз.
Теперь жить по-иному будем,
Сплетем с учевой жизни нить.
И скоро на-зло «бывшим» людям
Мы мир возьмемся «октябрьить»!

Кроме того, редакцией признаны удовлетворительными решения следующих товарищей:

В. Ляхов (Киев), А. Кузнецов (Москва), Н. Чебуренко (Саранск), Ф. Бондаренко (Ленинград), А. Лебедев (ст. Карабаново), Н. Николаенко (Симферополь), Н. Адросимова (Ленинград), Н. Платонов (Томск), П. Телелин (Очаков), А. Батраков (Курган), В. Андреев (Каслинский завод), П. Черных-Якутский (д. Красюковка), Н. Котомин (Кострома), М. Янковский (г. Киев), А. Шустров (г. Сычевка), К. Кузовлев (Сольск), Н. Гапонин (Гаврилова-облода), В. Зайцев (Севастополь), В. Незлобин (Духовщина), Лельгант (Харьков), Н. Хандыс (Волочок), М. Ашкынази (Минск), Г. Лабода (Волчанск), Н. Михайлов (Ленинград), Л. Глебов (г. Тула), К. Свистунов (Кострома), Т. Пальский (Луганск), М. Мительман (Одесса), С. Федоров (Краснодар), А. Баскакова (Бугульма), Н. Хрусталев (Москва), С. Егоров (Орехово-Зуево), С. Влодавская (Кременчуг) и др.

Товарищам, получившим премии, журнал будет высылаться с 1-го января 1928 г.

Игра в Буримэ будет продолжена. Первый решений игры № 2 закончен.

Редакция

СО Д Е Р Ж А Н И Е: Н. КРЫЛЕНКО—С ружьем по снегу. Проф. С. БУТУРЛИН—Молодежь и охота. ПОПОВСКИЙ ЛАНДРИН. ХАИР-ХАНУМ—Горячее море (по тропам Кираизстана). О. БЕСКИН—Чем нас кормят экраны? С. ВИНОГРАДСКАЯ—Как это шло за бызает. АНТОН ЛЕПОВ—Пару пива. П. СВИФТ—За спорт, против мордобоя! С. В.—Наброски о юношах Парижа. КУМИРЫ МИРОВОГО МЕЩАНСТВА. СУРОВАЯ ПРАВДА—рисунки болгарского художника тов. ГОРА. РОНИ СТАРШИЙ, перевод А. ГАТОВА—Болезнь света (роман, окончание). БОР. ГРОССМАН—По поводу двух романов «Наталья Тарнова» и «У фонаря». Г. ПОЛЯНОВСКИЙ—Песцы народов СССР. М. МОРГЕНШТЕРН—Атака октябрьского ренертура.

Стихотворения: Д. Бродского, И. Кокорева, А. Пестюхина, Б. Соловьева и Г. Фиша.

СМЕНА ЗА 1927 ГОД. РЕЗУЛЬТАТЫ ВТОРОЙ ИГРЫ В БУРИМЕ.

Иллюстрации: А. БРЕЯ, С. ЛОДЫГИНА; Фото: Ф. ЗУБКОВА, И. РИККА, РУССФОТО.

ХАИР-ХАНУМ и др.

Фото И. Рикка

Зверь близко

С ружьем по снегу

Очерк Н. КРЫЛЕНКО

Мы хотим поделиться с читателями соображениями о той отрасли спорта, которая, к сожалению, до сих пор еще недостаточно распространена у нас и получает зимой исключительную прелесть. Мы говорим о зимней охоте и связанных с нею переживаниях и ощущениях.

Крестьянская и рабочая молодежь может и должна уделить охоте соответствующее внимание.

Чем привлекательна зимняя охота? Прежде всего тем, что она лишена всех неприятных сторон весенней и летней охоты—болот, воды, грязи.

Это не весенняя охота, протекающая главным образом ночью, сопряженная с необходимостью идти в лес в 12 часов или в час пополудни, как в охоте на глухариню или тетеревином току; это не вальдшнепиная тяга, продолжающаяся каких-нибудь 30—40 минут после захода солнца; это, наконец, не утиная охота, требующая от вас ночевки на озере,—это хорошее, бодрящее времяпрепровождение, не угрожающее никакими заболеваниями, никакой простудой и в то же время дающее хорошую, здоровую физическую усталость и хороший заряд физической свежести и бодрости на следующий рабочий день. Зимняя охота, затем, всегда коллегияльна. Даже заячья охота,

являющаяся преимущественно зимней охотой, даже тогда, когда вы идете на нее без собак—«тропить русака»—всегда производится компанией. А охота с гончими—основная форма охоты—всегда требует по меньшей мере 2—3 стрелков. Охота в одиночку гораздо менее производительна и удобна.

Между тем, тот, кто знает, что значит бродить по лесу, покрытому свежим снежным покровом, прислушиваться к то приближающемуся, то удаляющемуся «гону», ловить зверя на перекрестках, тропинах и полянах, тот, кто знает, какую массу ощущений вы успеваете пережить за это время, забывая о всех своих заботах,—тот поймет и согласится с на и, что правильно организованная зимняя охота должна занять у нашей молодежи соответствующее место.

У Владимира Ильича в одном из его произведений есть описание зимней охоты на лисицу, с флажками. Он очень любил эту охоту, она нравилась ему, как чрезвычайно своеобразное соревнование методов ума человека, с одной стороны, хитрости и чрезвычайной осторожности зверя—с другой. Сущность такой охоты заключается в том, что оцепленный на известном протяжении

маленькими красными флажками зверь, боясь из осторожности перейти через флажки, ищет выхода из оцепленного круга и невольно подходит как раз к тому месту, где стоит, спрятавшись за деревьями, охотник.

Здесь все прекрасно: и сверкающий перед глазами снег, и темная зелень молодых елей и сосенок, и чуткая настроенность зверя, и напряженность нервов с ваташенным дыханием следящего за зверем охотника. Между тем, эта охота также требует участия определенного коллектива и обыкновенно протекает при наличии не менее 2—3 стрелков. Что касается самих флажков, то у всякого более или менее систематически занимающегося охотой деревенского охотника они есть. Правда, не всякий сумеет затянуть зверя в эти флажки, но это вопрос техники и споровки в распознавании следов и осторожности самого охотника.

Наконец, есть зимой и иная охота, доступная действительно уж лишь немногим—охота на крупного зверя, на нелюдимого старожилца наших лесов—медведя. В северных губерниях в этой охоте принимают участие исключительно крестьяне. Охота эта производится или всем селом, если она производится «облавай», или в одиночку, если охота производится «на берлогу».

При нынешнем хорошем охотничьем оружии, мы не говорим, конечно, о шомполках, эта охота не представляет, по существу, никакой опасности. Она дает, однако, чрезвычайно много, ибо тренирует вас всего—ваше хладнокровие, вашу волю, вашу выдержку, вашу осторожность и бдительность. Стойте ли вы на номере тогда, когда

зверя на вас гонят «облавай», идете ли вы «один на один» «на берлогу»,—в обоих случаях неудачно можно объяснить только оплошностью самого стрелка.

Улучить момент, когда зверь покажет из берлоги свою огромную, лобастую голову, или когда он выскочит из берлоги и начнет уходить от вас сквозь кусты и сосны, или, наконец, когда, вставши на задние лапы, отбивается от наседающих на него собак, и послать ему пулю именно в голову, чтобы он немедленно рухнул на месте—это требует достаточной выдержки.

Неверный выстрел приводит к тому, что зверь обыкновенно уходит, даже сильно раненый.

Эта охота, происходящая обыкновенно в глубокую зиму, при чем для того, чтобы добраться до берлоги, приходится пройти на лыжах иногда добрый десяток верст, хороша тем, что она совмещает в себе сразу все то, что дает зимняя охота в целом. Прямая опасность при ней, как уже мы сказали выше, почти исключена.

В то же время видеть перед собой распростертую «тушу» пудов этак на 10—12 после того, как медведь еще минуту тому назад был тут, рядом с вами, в 10, а иной раз в 4 или 6 шагах (мне редко приходилось стрелять в зверя с расстояния больше, чем 10—12 шагов)—это ли не высшее удовольствие, не триумф ли в награду за тяжелый путь, усталость, хлопоты, напряженность нервов и даже риск.

С начавшимся зимним сезоном от души желаем всем нашим молодым охотникам наибольшей удачи.

Охота и молодежь

Проф. С. А. БУТУРЛИН

Хорошо зимой бродить по лесу с ружьем. Только в это время года разрешается охотиться на крупного и пушного зверя. А охота на них наиболее увлекательна.

Кроме зайцев и лисич в лесах европейской части СССР немало волков и медведей.

Из птиц зимой можно охотиться на куропатку, рябчика, глухаря и тетерева.

По вечерам тетерева, сидящие на деревьях, большими черными комьями падают в снег. Они глубоко зарываются в него, чтобы в тепле провести ночь. Выследив их, вы ранним утром пробраетесь осторожно к месту их ночевки. На рассвете они вылетают из снега, и здесь, при удаче, вы можете получить хорошую добычу. На них же можно охотиться и при помощи чучела. На небольшой лесной полянке вы помещаете несколько чучел тетеревов и рассыпаете немного корму. Тетерева охотно идут на приманку, принимая чучел за своих собратьев.

На кого еще можно охотиться зимой?

Среди пушного зверя наиболее распространена охота на белку, которая составляет от 40 до 60% нашего пушного экспорта. Белка водится повсеместно. Ее можно найти даже в Сокольниках.

Особенно большое распространение за годы революции в СССР получили волки, приносящие неисчислимые бедствия крестьянскому хозяйству.

В Сибири кроме белки, на которую охотятся в лесах, в тундре водится чрезвычайно ценная зверь—песец. Южнее можно охотиться на лисицу и на маленького зверька, в роде нашей куницы, который называется колонок. В европейской части СССР наиболее распространена охота на зайца-русака, который водится главным образом в открытых местах. В лесу охотятся на зайца-беляка и лисицу. На мелкого зверя охотятся обычно в одиночку; крупный пушной зверь, в роде волка и медведя, требует определенной организации. Здесь существует два способа охоты. Один из них, называемый облавой, заключается в том, что большое количество людей, человек 100—150, окружают место, где был заранее выслен крупный зверь, и постепенно загоняют его в небольшое кольцо, где и убивают. Другой способ охоты, так называемый нагоном, очень широко распространен в Псковской губернии. Участвовать в охоте нагоном могут лишь высококвалифицированные охотники, хорошо знающие привычки зверя и великолепно разбирающиеся в данной местности. Участвуют в такой охоте обычно два или три человека. Развешивая на деревьях кушак, шапку или рукавицы, они нагоняют зверя друг на друга до тех пор, пока кому-нибудь одному не удастся его убить.

На охоту

П о с л е д у

Двадцать миллионов убытка в год от волков

Охота дает человеку очень много. Кроме пользы, которую получает человек от продолжительного пребывания на свежем и чистом воздухе, охота дает еще ряд ценнейших навыков: умение пользоваться лыжами и обращаться осторожно с ружьем. Благодаря охоте мы получаем большую практику в стрельбе, научаемся ориентироваться в местности, развиваем глазомер, так как умение определить дистанцию—одно из основных требований, предъявляемых к охотнику. Но кроме этого охота приносит еще и другую пользу. По приблизительным подсчетам, одни волки и приносят крестьянскому хозяйству ежегодно убытков на 20 миллионов рублей. Борьба с волками, таким образом, является борьбой за крестьянское благосостояние. Во времена крепостного права наиболее распространенным способом охоты на волков являлась псовая охота, которой в настоящее время, конечно, уже нет. Вместо этого в некоторых селах образуются кружки, достаточно хорошо организованные, имеющие своей задачей истребление волков. К сожалению, мы не можем похвастаться тем, что этих кружков у нас достаточно.

Мы вывозим пушнину на 80 миллионов рублей

Ежегодно за границу вывозится пушнина на 80 миллионов рублей, при чем пушнина является одним из наиболее выгодных экспортных товаров. 50% из этого количества добывается не специалистами охотниками, а крестьянами. В этом очень большое экономическое значение охоты, приносящей пользу не только государству, но и крестьянству, для которого она служит подспорьем. Особенно важное значение приобретает охота на севере, где без крупного оленьего стада вообще нельзя прокормиться. Поэтому наши северные и малые народности получают от охоты главный источник своего существования.

Надо ли вовлечь молодежь в охоту?

В каждом человеке в той или иной степени заложен инстинкт охотника. Кроме того, охота сама по себе чрезвычайно увлекательна. Таким образом, говоря о вовлечении молодежи в занятие охотой, надо не вырабатывать каких-нибудь новых мероприятий, а лишь устранить те препятствия, которые мешают вовлечению в занятие охотой молодежи.

1 марта 1923 г. правительством был издан декрет, запрещающий охотиться несовершеннолетним, не достигшим 18-летнего возраста.

Фото И. Рикка

Прицел взят

Именно это, установленное в 1923 году, необходимо снять, оно не только не приносит пользу, а даже некоторый вред.

В заключение несколько о значении охоты в связи с нависшей опасностью войны. Только в охоте занятия стрелковым спортом проходит наиболее интересно и дают самые лучшие результаты в смысле владения оружием, умения разбираться в местности и т. д. Кроме этого для городской молодежи охота—лучший отдых.

Поповский ландрин

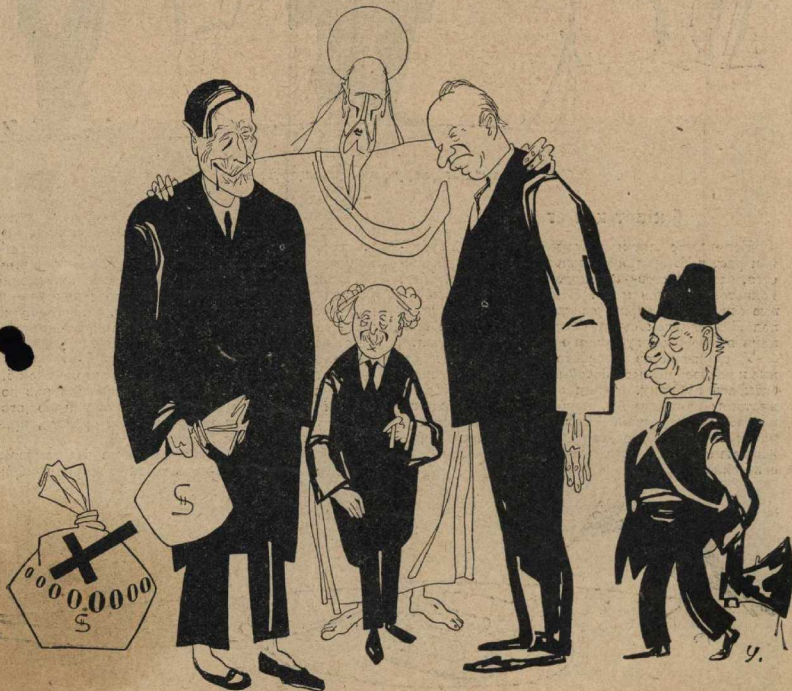
Никогда и нигде в мире не был нанесен такой сокрушительный удар по поповщине, мракобезию, ханжеству, как у нас в стране Советов. Впервые в жизни человечества трудящиеся разорвали самые тесные, самые подлые и самые „привычные“ кандалы религии, суеверия. Новое поколение, которое у нас растет,—молодые, пионеры,—не так легко совратить проповедью „слова божьего“. Все его так. Но на одном этом успокоиться нельзя. Почитайте материалы, печатаемые в нашем номере, загляните в другие газеты и журналы, и вы почувствуете, что церкви и служители всех религий пытаются „оправиться“ и любой масшированной, любым приемом восстановить и себе доброе имя.

На портале первой г. Пятигорска было вывешено такое объявление: „7-го ноября будет ознаменован праздничной обедней с панихидой о погибших в 1917 году“. Из Савбры сообщают, что там было расклеено обращение: „Придите 7 ноября помолиться о благополучии страны нашей и ее правителей“. И это неудивительно, ибо скажывается, что „священный синод российской православной церкви“, живительствующий в Москве на Самотепах, обратился к циркуляром к епархиальным управлениям: „7 ноября наша родина справляет 10-летие Октябрьской революции. Св. синод предлагает всем Б. У. ознаменовать этот день торжественным богослужением во всех храмах, совершив 6-го всенощную, 7-го—божественную литургию. Не только русское духовенство становится активнее и рвуще к делу, но и „воинские“ для евреев прудники „Иом—Кипур“ и „Роги—Гашон“ заманивают мошнициков объявлением, что будет петь „кавтор Ваццковский, С.—лирический тенор“.

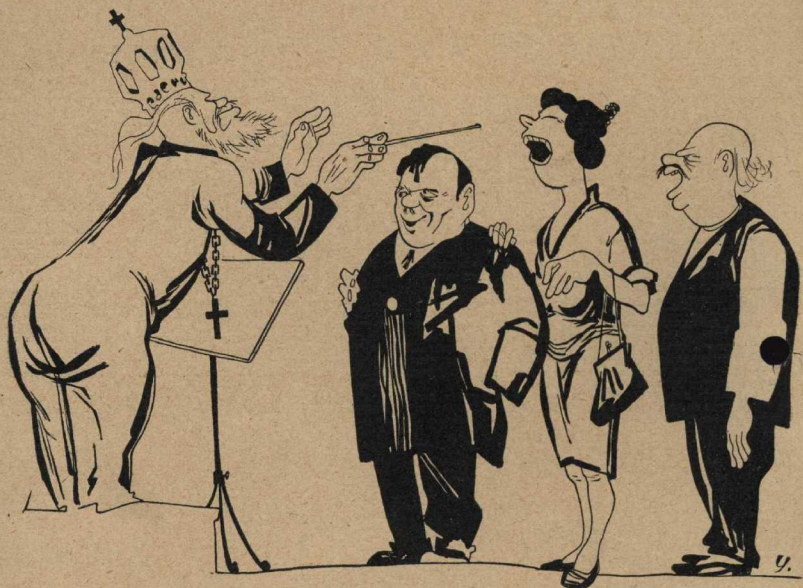
Делегатка на XV съезде ВКП, Салифа Шафиева рассказывала, что в Башкирии духовенство распространяет всякого рода воззвания, ведет религиозную пропаганду, собирает по 35—40 мошниц в мечети, нелегальным путем собирает в отдельных домах, где они молятся днем и ночью. У них свой руководящий журнал. Особенным усердием и энергией характера отличаются поповские слезы—сестанты—эти „братья во господе“, трезвенники во христе и хожичи в лавках. Они очень настойчиво и очень ловко работают. Они имеют штат раз'едных инструкторов. Создают „басомомы“—организации баптистской молодежи. Выделяют „дьяконисе“—для работы среди девушек. На собраниях „стака Дертментова“ и песни на революционные мотивы „Мы кузнец“ и др. Они очень дорожат каждым сторонником. С сомощимыми и колеблющимися работают специальные „ушвецательские комиссии“ и т. д.

Все религия лжины и вредны. Подчищенная „вера“ сектантов такая же „гаденкая и подленькая“, как и другие вероошведаны, другие религии.

Рабочая молодежь должна давать бешеный отпор попыткам окуривания ее религиозным дурманом. Ни одного парня, ни одной девушки не давать на поповские и сектантские „с'едение“! И прежде всего помнить: „там, где наука делает шаг вперед, религия отстает 100 шагов назад“.

Братцы во христе—Болдуин, Ллойд-Джордж, Куллидж, Фуллер—„почетные“ опекуны сектантов

Зазывают „верующих“ концертами

Сектантский агитпроп

Количество сект и сектантов в Тверской губернии растет. В губернии имеются секты: евангелистов, адвентистов седьмого дня, чуриковцев, ионистов, бегунов и др. Недавно появились новые секты—в Кимрах секта третьего завета, а под Лихославлем секта баптистов, до сего времени в Тверской губернии не существовавшая.

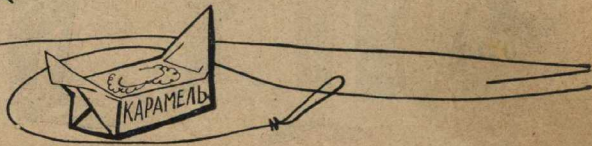
У евангелистов выработались очень интересные и разнообразные способы, позволяющие обрабатывать публику. У них существуют: массовые шествия (даже зимой), пение, музыка, декламация, особые собрания женщин, молодежи, празднование международного женского дня, празднование 1 мая—как интернационального дня евангелистов и т. д.

В советские праздники, когда все идут на демонстрацию, сектанты устраивают «вечера любви», на которых пьют чай с ландрином и баранками и обмениваются душевными воспоминаниями.

Если в каком-нибудь рабочем клубе происходит доклад на божескую тему, то после докладчика не редко на сцену выходит сектант. Он не рабочий этого завода и где достал билет на вечер—неизвестно, но он на докладе и в прениях обязательно выступает в защиту бога.

Все эти способы и формы обработки никакой бы пользы им не принесли, если бы евангелисты не получали крупной материальной помощи со сторон. Евангелисты живут за счет средств, присылаемых им из-за границы.

Обилие средств позволяет секте евангелистов издавать программно-методический журнал «Хри-

стианин», создавать одногодичные, двухгодичные курсы агитаторов, где вместе с евангелистским учением изучается история классовой борьбы, политэкономия, исторический материализм и проч. современные науки. Проводится это изучение не с целью выковки марксистов, а с целью лучшей борьбы с безбожниками и антирелигиозниками.

Наличие средств позволило евангелистам наладить книжный рынок библиями, заветами, песнопениями и т. п. Заграничные деньги помогают евангелистам содержать большой штат проповедников-пропагандистов. На 1.500 евангелистов в губернии имеется умеющих проповедывать слово божие—628 чел., большинство из них прошло разные курсы. Иностранные деньги позволяют евангелистам содержать постоянных платных работников. Так, например, пропагандист Николай обслуживает район в 10—15 верст под Лихославлем, получает ежемесячное жалование 70 рублей. Кроме того, у него имеется помощников человек 10—12, которые также ежемесячно получают от 30 до 40 руб. Как видно, средствами не стесняются. Такие гигантские расходы за счет одних членских взносов произвести нельзя. Деньги и здесь получаются все из той же заграничьи.

В. Волоцкая община евангелистов недавно получила 51.000 рублей.

По своим действиям, по своей сущности сектантство (как и все религии и секты)—глубоко контрреволюционное явление. Контрреволюционный характер сектантства видно из того, что секта евангелистов входит в мировой интернационал баптистов. Руководитель русских евангелистов Проханов И. С. является вице-президентом этого интернационала, а почетными членами интернационала являются мировые кровососы-миллиардеры: Морган, Рокфеллер, дельцы: Ллойд-Джорджи, президент Америки Куллидж, губ. Фуллер, казначивший Санко и Вансетти, и т. д. Русские евангелисты таким образом связаны с верхушкой капиталистического мира.

У евангелистов кроме богатого кошелька в организации имеется строгий централизм, беспрекословное подчинение мест центру, довольно хорошо поставлено живое инструктирование.

Агитируя за кооперацию, они входят лишь кооперативы, где они могут господствовать. Евангелисты маскируются советскими лозунгами, они даже заявляют, что коммунизм и евангелизм одно и то же. Стремятся на это поймать простаков. Во главе сектантов много бывших и настоящих торговцев, плутов, мироедов, выжи. На этом составе можно выявить истинное лицо секты.

Секта адвентистов седьмого дня состоит из людей, верующих в третье пришествие Христа и празднующих седьмой день (день отдыха у них не воскресенье, а суббота). Адвентисты имеют своих пресвитеров, свои органы и проч. Она из главных зачат секты—борьба с дарвинизмом.

Сласти не помогли

Еврейское духовенство тоже пускается на приманки. Молодежь совсем отбилась от рук, но старосты московской хоральной синагоги, которая помещается в одном из переулков Маросейки, нашли способ как привлечь в синагогу на праздник—объявили, что в синагоге будут раздавать подарки и угощения. Действительно, в канун праздника (в октябре) к синагоге подвезли на автомобиле несколько ящиков леденцов и печенья ф-ки «Красный Октябрь».

Несмотря на то, что инициаторы были очень щедры и давали каждому по коробке леденцов и по 1/2 кило бисквитов, ребята, получив подарки, сейчас же убежали.

„Случай“ с комсомолкой

Недавно у нас был случай, заставивший призадуматься. Пишет тов. Скоролумов с завода «Пресс».

Одна молодая комсомолка (с 1925 года), работая активно в ячейке и клубе, будучи несколько созвонив членом бюро, вернувшись из отпуска, который она провела в деревне, подает заявление о выходе из комсомола. «Потому что,—пишет она в заявлении,—в комсомоле «правды» нет. «Правда»,—говорит она,—только от бога, только в общине евангелистов-баптистов». Сейчас она—как фанатик. На бюро ячейки мы не сумели ее разубедить, она как бы ослеплена.

Карамель раввина

Западный берег Иссык-куля. Видны мачты теплохода у пристани „Рыбачье“

Г о р я ч е е м о р е

Очерк ХАИР-ХАНУМ

Чу!

До столицы Киргизстана—Пишпек-Фрунзе мы доехали железной дорогой, четыре тысячи верст. Отсюда на грузовике (по-местному—автобус) сто восемьдесят верст до Иссык-куль...

Сказано легко, а ехали, между прочим, ночью и в том числе тридцать верст по знаменитой Буамской щели. «Щель» такая: помещаются в ней как раз автомобиль и речка с очень подходящим для нее названием:

— Чу!

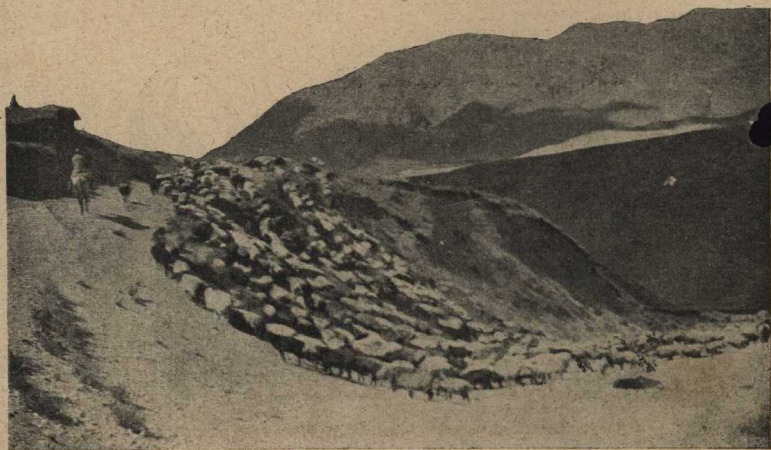
В каменной отвесной темноте, по выруленному узкому пазу мчал нас амовский грузовик. И мы все—четырнадцать человек на нем—ясно слышали, как под колесами в отвесе снизу на небольшой глубине (сажень сто, не более!) билась о скалы и подмывала темноту, по которой прыгал грузовичок, речка Чу.

Машина рычала и ржала отчаянно, пытаясь взобраться на кручу галопом, и от напряжения наливала желтым светом круглые глаза. Но пыль о куцлатой шерстью бежала впереди, как пес, которого ни отогнать, ни обогнать, и мутило от нее, казалось—вот сейчас взведем на этот скверный туман, как на пышный мост, и бухнем в пропасть... Шofer разговаривал со скуки.

— Прошлый раз у меня на спуске тормоза испортились. Но днем не страшно... Так и спустились без тормозов.

М о р е н а г о р а х

Круча невысокая: над Фрунзе поднялись на одну версту ближе к небу и выехали из щели в непроницаемо широкий простор прохладной и крайне свежей тьмы. Запахло нежным-нежным и малосольным морским ветерком.

Тысячелетняя скотопрогонная тропа из Семиречья в Фергану по сыртам (поскогорьям) Центрального Тянь-Шаня

Джай-ляу (горное пастбище) на реке Марын

Деревушка. Русские.
Заночевали.

А утром странным образом исчезли горы на востоке, и солнце поднялось из страшной глубины. Неуверенно я подвигалась раскидистой низенькой улицей, сложенной из дерна, и пошатывалась вперед направо. Там не было видно ни чего, ни простой хотя бы гладкой земли. Небо матово-голубое опускалось непосредственно за околицей, за деревенскими задками, за огородами.

Совсем испуганно я приблизилась к земному окончанию. И вот, небо плеснулось остро-синим блеском у моих сандалий...

Сердце во мне задрожало, я растерялась от небывалого в жизни восторга. Я стояла на полутораверстной высоте, на вершине гор—выше туч!—на берегу теплого иссиня-синего моря!

Это был Иссык-куль.

Необыкновенное плавание

Подняться на аэроплане на высоту полутора верст и там полетать—увлекательно и... понятно. Нормально. А вот на той же высоте полутора

верст—поплавать на теплоходе... Это... это... почище!

Мы спали на корме; чуть качало, звезды подмигивали, искры летели из трубы, море благоухало и шелестело, как сгущенные потемки, и ворковало вдоль бортов.

Со снеговых вершин Поднебесного Тянь-Шаня сливался разреженный и легкий для дыхания холод. Киргизы собрались на верхней палубе «Пионера»: ночь сопровождала их, как свидетель чуда, по священному Горячему морю. Они блаженно молчали. Они переживали лучшую ночь в своей киргизской жизни.

Они горды своим морем и своим теплоходом, специально для них выстроенным в 1925 году в аккуратном и спокойном заливчике около Тамги, на южном берегу Иссык-куля. Раньше они смотрели на море с берегов, а теперь они смотрят с моря на берега!

Раньше нужно было ехать домой береговой дорогой, отсчитывая версты солнцем, с севера—через цепь русских поселков; с юга—через разбросанные и неровные аулы, через соляную пу-

Кой-базар в Джааль-Абаде, в фергане

стыню под высокими стенами бывших берегов... Высокие горячие воды Иссык-куля унесла река Чу. Иссык-куль состарился и теперь уже не горячий, а теплый, и лишь настало, чтобы самому не замерзнуть в зимние морозы.

Летом пустыни берега Иссык-куля. В 1920 году революция сменила хозяев в части деревень, построенных русскими колонизаторами в царское время. В украинских белевских хатках под тополевыми и яблонными садами поселились кочевники... Прожили зиму, пришла волноуходящая весна, лето прижгло сухую бестравную пыль степей, стада баранов заблеяли жалобно, люди затосковали... И ушли!

Ушли на прекрасные праздничные летние плоскогорья Тянь-Шаня,—ушли, оставив без воды поливные поля, срубив на дровяной запас к зиме фруктовые деревья.

Прошел год, другой. Киргизы наняли русских крестьян обработать им землю. За работу отдавали в аренду часть земли.

Прошел третий год, четвертый. Все реже нанимают русских. «Орда» работает сама... Не очень жалко и с досадой,—тяжело оставаться киргизу на Сухом Хребту, когда другие рода живут в земном раю на сыртах, на горных лугах. Но понемногу земля прибравает к рукам ленивых и неподатливых кочевников.

Необыкновенный переход: от кочевья на сыртах—к «кочевью» по морю, на современном теплоходе, своем, киргизском!

Чудное море—Иссык! Киргизы любятую, но и все не-киргизы на «Пионере» охвачены удивлением еще большим.

Ночь кончалась.

Черное становилось синим, синее—голубым. Голубые обмылки шлепали сильными и ласково скользкими пощечинами по щекам «Пионера». Чудесная голубая вода прилиwała в дальней дали к сияющим высочайшим снегам Хан-Тенгри. Солнце начинало прижигать, и славный пушистый ветерок его отгонял. Море показало торжествующим в угренней золоченой полурамке вершин. Мы приблизились к курорту Желтой Овцы.

На длиннейшем и совершенно плоском берегу стояли непрерывными тесными шеренгами двести войлочных юрт. Курортники—веселые ребята с белоюбочными городскими барышнями—наполнили два десятка лодок и переполошной ватагой окружили теплоход.

Город „Черной Руки“

Восточный берег под тополями, минутной заливчик. На подпорках выкročился иссохший крошечный бриг, настоящий, старинный, построенный Пржевальским¹ и остающийся как славный памятник возле могилы путешественника. В двенадцати верстах от пристани город Черной Руки—Кара-кол. При чем тут «черная рука»—не знаю. Может быть, при том, что речка так называется. Городок приятный, топовельный, сухой и светлый. Живут в нем русские, киргизы, китайцы-дунгане и по мелочам еще кое-кто.

На одной из улиц меня задержал интернациональный взвод пионеров.

— Стой, тетка! Куда идешь?

— А вам какое дело?

— Такое дело, что на этой улице наш штаб. Может, вы махновка?..

— Как!.. Махновка?.. А вы—кто же вы такие? — Мы буденновцы,—гордо отчеканили ребята и пышно проследовали обходом дальше.

Хозяйке, у которой мы остановились, жилиевосный говорил убедительно за обедом:

— Вы, Маруся, не посылайте Петьку на базар. Возьмут его в плен либо махновцы, либо буденновцы...

Петька с замиранием сердечным слушал под дверью и крался к воротам. Глаза у него сверкали. В противоположность размеренному солнцем Фрунзе—Кара-кол весь в движении. Из Каракары гонят гурты лошадей, баранов через горы в Фергану. Кара-кол—отправный порт и ключ к Терской-Ала-тоу². Он лежит у самого его подножия и исполняет обязанности ворот с родины лошадей и баранов.

В больших и уютных чой-хане (такого чаю и таких лепешек нет в самом Фрунзе!) сидят чиннорыжкие узбеки и равнодушно-раскосые дунгане. Все они—купцы. Все они получили в погран-ОГПУ у снегалогого команданта пропуск через пограничные горы для прогона скота. Выдав пропуск, он им строго внушал:

— Не ходите местами, где посевы большие, чтобы скот не потравил!

Все они солидно обещали.

В зометел они постарались не заходить: заплатить пошлину со скота можно и в дороге, то есть чем позже, тем лучше. Может быть—известно—удастся проскользнуть и вовсе без пошлины мимо лесничих и полевых об'ездчиков на скотских тропах через Терской-Ала-тоу!

В чой-хане рассказывають: Хабиб Волосы будет гнать 30.000 баранов... Как же ему платить об'ор? Очень много придется!

Цены на лошадей, говорят, низкие в Джэаль-Абале³. А впрочем—неизвестно!

На базаре бабы сидят на высоких возах из Николаевки, из Михайловки—в общем, с Сухого Хребта. Презрительно ругаются с покупателями. На вопрос:

— Откуда?—отвечают не сразу и не:

— С Сухого Хребта,—как должно быть,—а:

— Мы полтавские!—хотя все они уже 20 и 30 лет как из Полтавы.

Пионеры берут приступом арбузы, жинки мечутся по возам, как наседки, а мужики меланхолично кроют матерком по-украински.

Нам надо было найти одного Кипку—одного из бесчисленных екатеринославских Кипкал. В уллицы в Кара-коле все без названий. Т.-е. названия, пожалуй, есть, но их не знают даже старожилы. Номера на домах тоже, пожалуй, есть, но расположены так: 27... а рядом вдруг сразу: 65! — Кипка? А где опиюнная гарнизация—там он и живет.

Опийная монополия в большом почете. Она поселилась в чистой и раскинутой дунганской части Кара-кола,—там же на дворах поля опийного мака, стройного и цветного, как целый табун невест. Говорят, что дунгане продают больше опия контрабандистам в Китай...

В Кара-коле два штаба: один штаб разнообразной китайской контрабанды, другой—штаб по борьбе с контрабандистами. Война идет все время—упорная и вполне серьезная. В прошлом году отряд контрабандистов в стов человек убил два-

² Хребет, опоясывающий Иссык с юга.

³ Первый скотный базар в Фергане.

¹ Знаменитый исследователь Средней Азии.

дцать красноармейцев. За контрабанду в Кара-коле — смертная казнь.

Лошади контрабандиста

Узбек, хозяин чавран-сарая и чойхан, убедил меня не полагаться на следующие караваны. Он сказал:

— Кар-кара¹ кончилась, все купили лошадей, теперь пойдут бараны. А этот мой знакомый хороший, он вас проведет.

Но этот знакомый уезжал сегодня. Он сказал:

— Догони, мы будем знать.

Ночью мы купили у контрабандиста лошадей.

Хайр зажег спичку и заглянул серому в зубы. Киргиз сказал:

— Я на нем три раза в Кашкар ходил, зачем смотреть? Пять лет жеребцу. Он будет землю нюхать. Хорошо.

Этого я не понял: зачем жеребец будет нюхать землю? Но впоследствии он, действительно, «нюхал», хорошо выискивая тропу в болоте.

Утром в семь часов мы перегрузились из чемоданов в куржумные чересседельные мешки и шагом двинулись в недра Тянь-Шаньских хребтов, в заполовную тайну Терской-Ала-тоу, обращенного на север.

Тропа по кладбищу городов

Начинался путь в Поднебесную Киргизстан².

Три жгучих сентябрьских дня мы шли южным берегом Горячего моря. Мы прошли несколько убогих, жалких киргизских деревенок, склеенных из того же леса... Трудно, невозможно, казалось, глядя на полуживые норы, поверить в мощное и страстное прошлое этих мест!

¹ Семиреченская громадная ярмарка.

² Горный Киргизстан, расположенный на Тянь-Шаньских хребтах.

ТРЕВОГА! Выезд погран-отряда в недрах Тянь-Шаня на китайской границе. Контрабандистов — сколько угодно

Китаец-дунганин, разносящий по улицам Кара-кола „пручка“ — национальное лакомство: гороховая лапша с безумным количеством красного перца

Сколько народов тут переменялось? Сколько властвовали! Был народ сэ... Больше двух тысяч лет тому назад. Потом белолычие юэчки

Потом рыжебордые, голубоглазые усунни. Они оставили потомков под именем сары-усун — рыжие усун. Не их ли столичные развалины лежат недалеко от дороги или на дне озера Кай-Сары?

Потом тут жили сеньбийцы и жуэчани. А тысячу четыреста лет тому назад пришли с Алтая тюрки. Тюркам — наследовали огузы.

Тысячу сто лет тому назад появились карлуки.

Кара-китай семьсот лет тому назад завоевали весь Туркестан. Их цари — гурханы — держали ставку на реке Чу!

...А теперь несколько лесовых берлог, несколько киргизских безоконных, но дырявых, бескрытых, но воюющих деревушек, — но грязь и вонь выжигаются солнцем...

Мы проехали деревню Барскоун и после камней города Барсхона догнали узбекских купцов под татарской Тамгой. Они вели с Кара-каринской ярмарки лошадей в Фергану.

С ними мы прошли пятидесятиверстную на смерть просоленную лесовую (береговую) пустыню.

В конце ее на сохлой речке Тон мы нашли две юрты и невдалеке очередные обломки воинственной истории Средней Азии. Кто из героев «завоевал» город Тон? А может, в исключение из правила — землетрясение?..

Лежат на берегу и на дне моря поверженные Барсхон, Сикуль и Тюп, и Яр, и Тон, и Кой-Сары. Оба берега Иссык-куля — кладбище городов и народов.

Но великие торговые пути международного обмена, по которым пятьсот и тысячу пятьсот

Стоянка путешественницы с караваном купцов на сыртах (плоскогорьях) Тянь-Шаня

лет тому назад купцы усуньские, жужанские, карлуки, китайские, узбекские гнали из Семиречья скот в Фергану — остались. Прощай, Иссык-куль!

Зима на Ледовитом

Еще вчера рыбацьи лодки
Пестрили склон береговой,
И в шумной гавани лебедки
Тюки тащили к мостовой.

А утром снег колючий реял;
Норд-вест волну на берег гнал;
На шхунах выгнутые реи
Сердитой хваткою ломал.

Пустела гавань. Пароходы
Давно ушли, и больше нет.
А вместо яркого восхода
Чуть брезжится гнилой рассвет...

День гаснет скоро. Снег густеет;
Бездонней в гавани вода.
И на снегу пятном синее
Печать медвежьего следа.

Винтовку к промыслу готова,
Считает пули зверолов,
А рыбаки, закончив ловы,
Ушли от мертвых берегов.

Над самоедским зимним чумом
По вечерам висит луна,
И в тундре белой и угрюмой
Легла глухая тишина.

Ан. Пестюхин

Д о м

Он летом сохнул на припеке,
В мокрогодицу—чернел,
И обнажался мягкий мел
Под штукатуркою высокой.

Промозглой сыростью богат,
Туман вытягивал волокна...
И мутные глядели окна
На долгий ветреный закат...

В них отражалась—пустота,
И каменная мостовая,
И неживые провода
Давно замолкшего трамвая...

Росли снега... Густела грязь...
Ночами оттепели дули.
На стенах сумрачную вязь
Шальные написали пули...

Когда ж оттаявший апрель
Запел гудками за вокзалом,
И плесенью запахла прель
Над переулком одичалым,

Когда по чистой мостовой
Прошел трамвай зарею ранней,
По стенам зыбкою дугой
Раскачивались рештованья.

За стенами—чернел провал...
Хрустел песок под сапогами.
Краснел кирпич, и звонкий гамень
Под молотками запевал.

И встал он—свежий и простой,
В блистанье стекол разодетый,
И праздничною красотой
Теперь приветствует рассветы...

За стенами—тепло и блеск,
И лифтов ноющая тяга.
И над подземдами—отвес
Огнем полощущего флага.

Д. Бродский

О чем поют колеса

Учи голубые раскосо
Летят по застывшей земле...
О чем вы поете, колеса,
В промерзлой предугрненной мгле?

Сирены едва прогудели,
И ветер—рассветный далекий...
Не вербная нынче неделя,
Но радостен топот и скок.

И слышатся говора всплески,
Глухая слышна кутерьма:
Здесь новые свозятся доски,
И новые строят дома.

И руки работают споро,
Рядами растут кирпичи,
Чтоб не было хмурых коморок,
Чтоб щедрыми были лучи.

Мне слышится гул стоголосый,
Я понял, я знаю сейчас,
О чем вы поете, колеса,
В гранит предрассветный стучась.

Борис Соловьев

Чем нас кормят экраны?

Очерк О. БЕСКИНА

Кино—самое распространенное искусство. Оно же и самое «быстро действующее» искусство. Проверить нашу кино-продукцию в отношении интереса молодежи зрителя—современнейшая задача. Раскрыть глаза этой же молодежи на многое из того, что обольщает ее на экранах, не менее своевременно. Этим целям служит помещаемый ниже очерк.

В вопросе о молодежной фильме едва ли стоит много говорить о специальной фильме, сколько о методах построения нашего фильмового материала вообще. Наш молодежник—это не молодежь предреволюционная, искусственно выдерживаемая до поры до времени вдали от боевых жизненных вопросов. Это не маменькины сынки и дочки, получающие на теплые родительские денежки соответствующую подготовку для будущего вгрызания в жизнь. Наша молодежь—это наиболее активная часть наших строителей. Жизнь с каждым днем требует от нее все большей и большей зарядки знаний, навыков, фактов, материалов, которые должны быть использованы в повседневной работе и творчестве.

Совершенно ясно, что линия развития нашего кино-дела, линия развития наших игровых картин прежде всего должна отвечать принципу активности, возбуждать желание действовать.

Тайна Гарри Пила

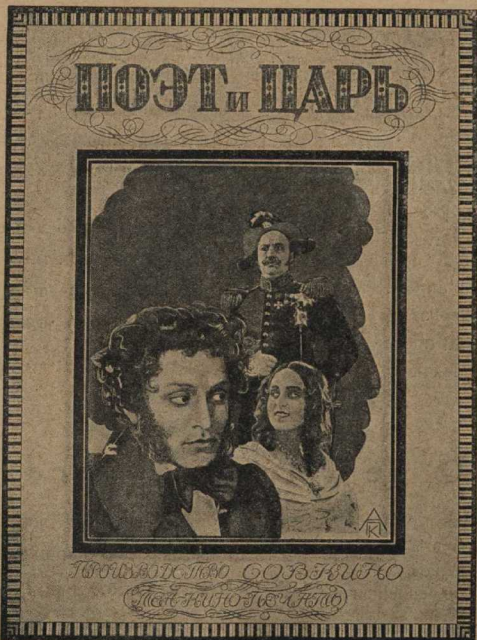
В чем, казалось бы, таится секрет того большого успеха, которым пользуются у молодежи американские фильмы. Ведь чепушнее и ничемнее, чем эти американские фильмы, ничего себе представить нельзя, но построенные на нападениях, боксах, всевозможных видах состязаний, они прокинуты сплошным действием и этим удовлетворя-

ют самую элементарную потребность в динамичности и активности.

Но если бы только это! Их динамичность и электризует аудиторию зрелищем напряженным и отравляет сознание прерупно-авантюжными представлениями об обществе и личности человека. Прекрасно известны случаи, когда на основании той или иной фильму создавались молодежь в провинции (укажем на пример Ростов) шайки все возможных «Железных Колец», «Черных Дьяволов» и пр. и пр., которые действовали по всем классическим канонам американских фильмов и своеобразно дополняли исконное российское хулиганство американскими методами. Криминалисты выснят в будущем, какой процент хулиганских преступлений был вызван к жизни американскими фильмами.

Фурии фригидских кл-палах

Казалось бы, что два года тому назад закончился период массового отравления американской фильмой и ее не менее вредными, пустыми по стилю собратьями из других стран. Но вот сравнительно недавно, какой-нибудь месяц тому назад, Москва запестрела афишами, где аршинными буквами было написано: «Скармаш». «Первый приз на мировом конкурсе». Чуть ли не в десяти крупнейших кино-театрах Москвы одновременно. Слышите видеть. Картина из эпохи Великой французской

Если в сказке от козлика остались рожки да ножки, то от Пушкича в „Поэте и царе“ остались только рога, которыми щедро украшена тень поэта в бутафорских ширмах наших кино-историков

революции. И валом повалил народ, валом повалила молодежь смотреть этот премированный шдвэр зарубежного кино-производства.

Трудно себе представить большой пасквиль на французскую революцию. Только специальное задание оплевать все лучшее, все героическое, что имело место во Французской революции, может создать то, что разворачивается перед зрителем на экране. Великую французскую революцию сделали, мол, «простонародные» фурии во фригийских колпаках, женщины в разодранных одеждах, с вываливающимися грудями, в перемешку с кретино-подобными мужчинами-зверями, вооруженными дубьем, косами, с головами на пиках и пр. и пр. Дантон подан в стиле сидельца из пивной лавки. Робеспьер, мелькающий только в нескольких кадрах, загримирован под птицу марабу, пылящийся, с маленькой булавочной головкой, утпающей в гигантском жабо. Прекрасный метод подачи на советском экране, для молодежи в частности, фигуры этого великого якобинца! И в завершение всего персона благородного (воспитан у аристократов) Моро с добрым сердцем, благородного любовника и друга, светлого вождя этой революции, отличающегося от других тем, что в нем есть настоящая душа. Вот несложное построение этой премированной «революционной» картины.

И эту зловредную историческую чепуху в 1927 году прокатывают на десяти экранах Москвы одновременно, и эта предельная дребедень пойдет по уготованному центру пути в алчущую провинцию. На этом материале будет обучаться наша молодежь, столь слабая по части истории (семилетки и девятилетки, откликнетесь!).

Правда, по линии иностранной фильмы дело к сегодняшнему дню можно полегчало, интервенция с стороны ослабла, но «скарамушизация», т. е. подача исторических явлений с буржуазной пасквильной точки зрения, едва ли многим лучше американского трюкизма.

Выплывем из этого моря на поверхность и оглянемся на наше производство, на отечественные картины. Посмотрим, что эти картины могут дать и дают молодежи.

До банта и кудельков включительно

Прежде всего о быте. Бесконечное количество партийных директив, все общественное мнение достаточно уярыало в эту точку. Даешь быт, даешь нашу жизнь, наши острые моменты! Необходимо повседневною [ре-

Подобная „психология“ на экране так же „потрясает“ зрителя, как рычание трагиков с подмостков провинциальной сцены („Медвежья свадьба“)

роикку нашего строительства продвинуть на шаг экран, оромантизировать ее, усилить в аудитории желание дальнейшего напора и соревнования в этом строительстве. Необходимо вытянуть на свет наши недостатки, наши искривления, осмеять все это. Но сделать все это нужно на своем материале, на материале, связанном органически с нашим бытом, чтобы экран и зрительный зал в смысле ощущения этого быта, ощущения этой правды являлись бы одним целым.

Что же мы имеем на самом деле? У нас есть «такие» картины. Например, вопрос о жилплощади, рабфаковце и советской работнице получил свое отражение в «Девушке с коробкой». Здесь все «характерно» именно для советского быта. Самый центральный персонаж «девушка с коробкой» — мидинеточка с французского бульвара, поданная, кстати сказать, по точному образу Мери Пикфорд до банта и кудельков включительно; ее дедушка — милый английский дедушка из подмосковного местечка, проводящий свои досуги чуть ли не перед камином в вольтеровском кресле; свалившийся в эту картину из ранних произведений Чехова неудачливый жених-телеграфист — вот черты советской «бытовой» комедии. Или другая. На совершенно животрепещущую тему — отношение полов, вызвавшая в свое время много толков и ныне воспринятая Западом, как шедевр русской кинематографии, под многоговорящим названием «Кровать и софа». Читатель в недоумении? Это же наша старая знакомая, родившаяся как «Зя Мещанская», переименованная по воле Совкино на «Любовь втроем» и нашедшая свое настоящее имя в Европе. В этой картине двое рабочих по воле жилплощади очутились в одной комнате с одной

женщиной. Они чередуются в обладании ею в антрактах между очередными партиями в шахматы, пока женщина не приходит к выводу, что они оба полдецы, и в обязательном для каждой честной кино-картины поезде уезжает к лучшей жизни. Вот этот пасквиль тоже выдается за советскую бытовую картину.

Мы прекрасно восприняли секрет американских концов. И когда картина «Леон Кутюрье» (по рассказу Лаврентева) должна закончиться смертью Леона Кутюрье, старого партийца, у которого не выдержали нервы, мы немедленно поворачиваемся лицом к массе, к зрителю, который кричит: «довольно смертей» и не любит трагических концов, и Леон Кутюрье благополучно воссоединяется со своей любовью в лоне подпольной ячейки (по-американски он стоял бы со своей невестой, украшенной цветами флор-доранжа, перед добрым пастором).

Рассердился, сел и написал

Молодежи нужна история. Мы об этом говорили уже выше. Есть в подвалах Совкино продукт и сей предмет. Например, «Поэт и царь». Совершенно неграмотная картина как по подходу к царствованию Николая I, так, особенно, по отношению к восстановлению фигуры Пушкина, который рисуется перед изумленной аудиторией замечательно семейственным, «дядей», творящим по всем правилам поэтических канонов, с запусканьем рук в волосы, с гривзобой пера, а главное моментально: рассердился, сел и написал: «я памятник воздвиг себе нерукотворный», побежал в Петергоф и скопее — читать. Самое замечательное, что реакцион-

Полубуйтесь на эту „чортову кузню“ и вы убедитесь, что наши кино-режиссеры получают довольно-таки далекие командировки для изучения натуры и быта („Сорочинская ярмарка“)

ный Жуковский при заслушании революционных антицаристских стихов Пушкина покровительственно и одобрительно хлопает (это воспитатель-то наследника-цесаревича!) его по плечу. Вообще совершенно мрачная историческая халтура. О мелочах даже и говорить не хочется. Один мой приятель наибольшее удовольствие в картине получил от того, что разговор Николая I с Пушкиным происходит на фоне памятника, сооруженного... в царствование Николая II.

Об игровых и о культур-фильмах

Одной из существеннейших наших ошибок, ошибок широкого общественного мнения является рассматривание кино, как искусства, и основной его задачи—в постановке игрового фильма. Это неправильно, это смешение части с целым, вернее—преподнесение части за целое. Кинематография есть для нашего времени фактор общекультурный, орудие производства, которым можно пользоваться почти во всех областях нашей культуры. Им можно и должно поднимать нашу квалификацию, демонстрировать производственных фильм; им можно пользоваться как лучшим педагогом; нет области, в которой бы кино не могло бы со значительно меньшей затратой времени заменить книгу.

Процессы, которые в жизни проходят для невооруженного глаза незаметно, которые скрыты от нас благодаря медленности их (прорастание растений) или, наоборот, благодаря быстроте (движения машины и животных), кинематография ускорит или замедлит по усмотрению—и тайное становится явным.

Вот в области всего того, что принято называть культур-фильмой в противовес фильме игровой, т.-е. в той области, которая больше всего нужна молодежи, у нас сделано по общности мало.

По линии хроники мы дошли уже до той степени технического совершенства, когда запись сегодняшнего дня мы вечером демонстрируем на экране. Но что мы демонстрируем? Мы показываем закладки, торжественные открытия, митинги и пр. вместо того, чтобы показывать последние усовершенствования, сущность пущенной в ход новой машины, диаграммы и мультипликации наших достижений и недостатков и т. п. Необходимо сделать хронику равноправной в ее демонстрации на экране, а не каким-то еле весомым 5-минутным привеском к игровой программе.

Научные фильм с трудом пробивают себе дорогу. Мы можем похвастаться «Механикой головного мозга», «Нефтью», «Утомляемостью». Но это все еще капля в море.

Из настоящих этнографических фильм мы имеем пока одну «Сванетию». Это не только мало, это фактически—ничего. И наш молодежь попрежнему больше знает о жителях Занзибара и о Борнео, чем о самоседах и киргизах.

Я подслушал разговор двух комсомольцев. Один из них спросил: «чорт их знает, почему самоседов называют самоседами?». Другой ответил: «А так... для смеха...»

Нам необходимо, чтобы наша молодежь получила возможность ориентироваться в этнографическом, национальном составе нашей страны не «для смеха», а со всей серьезностью и во всеоружии достаточных знаний.

Этот кадр—три полуголых кино-красавицы и один одряхлевший самец—прекрасно потрафляет вкусам любителей «клубнички» («Рейс Мистера Ллойда»)

Что хочется нам сказать

Насколько неустойчивы наши кино-вусы, можно судить по печатающимся ниже кино-откликам рядовых зрителей. На ряду с меткими и справедливыми характеристиками, т. т. обнаруживают и иногда самые любопытные и противоречивые пристрастия.

Заранее знаешь, что будет

В кино я бываю редко. Но не потому, что денег нет,—30—40 к. всегда найдется,—а потому, что хочу смотреть только хорошую картину, а не какую-нибудь дрянь, которой много на наших экранах.

Я не отгаю предпочтения каким-нибудь темам, когда смотрю картину. Меня одинаково интересуют фильмы исторические, из гражданской войны и бытовые—главное, чтобы картина была художественна и содержательна.

Вот потому мне больше нравятся русские фильмы, чем иностранные. Когда смотришь иностранную картину, то заранее знаешь, что будет дальше. Почти все иностранные фильмы построены по шаблону, нет остроты в содержании, нет свежего и интересного развертывания действия, нет свежей, интересной темы. И потому, несмотря на прекрасную часто игру, на красивую постановку, эти картины вызывают скуку и отвращение.

Русские картины насыщены прежде всего острым и богатым содержанием. Это не легкое волнение чувств, игра в любовь и ревность на фоне сытой самодовольной жизни—это сама правда жизни, жесткая, страшная и прекрасная. У меня только есть пожелание, чтобы в дальнейшем наши фильмы не топтались на месте, не с'езжали на обывательщину (такой уклончик имеется), а еще больше углубляли свое содержание так же, как усложняется наша жизнь.

Следует сказать еще несколько слов о хронике и культур-фильмах. Хронику я смотрел несколько раз и она мне очень понравилась. Но, к сожалению, очень редко где показывают хронику. Надо добиваться того, чтобы хронику показывали всюду и постоянно.

Также насчет культур-фильмов. Я смотрел картину «Нефть» с громадным удовольствием, и теперь думаю о том, как бы еще посмотреть такого рода фильмы. Я слышал о картине «Путь к здоровью и красоте», о картине «Труд и утомляемость» и с интересом посмотрел бы их, но они «трудно уловимы». Лобов (слесарь), Акционерное общество «Стандартсторй»

Погоня и разные тайны

С тех пор, как я демобилизовался, в кино я бываю редко—заработок небольшой, а 30 коп. за билет—это не дешево.

Мне нравятся картины иностранные. Там показывают красивую обстановку, красивую жизнь, и актеры хорошо играют. Мне нравятся эти картины потому, что они показывают все не так, как у нас в жизни—грубо, просто, неинтересно.

Особенно мне нравятся картины приключений, где показывают жульническую жизнь, борьбу, погоню, разные тайны и т. д. Я вот смотрел уже давно картину «Всадник без головы», «Спид», «Клеймо преступления»—все эти картины мне очень понравились, потому что там борьба и трюки.

Мне больше нравятся серьезные фильмы, чем комедии. В комедии только смешно, а содержание в них пустое—одно баловство.

Еще мне нравятся научные фильмы. Они дают большую пользу, показывают, как добываются разные продукты,—а это очень интересно.

А. А ф о н и н (охранник, зав. «Авиоприбор»)

Посмотрел бы, да не показывают

По-моему, билеты в кино еще довольно дороги; 30 коп. билет—это не по карману, когда получаешь только 30 руб. в месяц. Надо удешевить билеты в кино, чтобы даже мало зарабатывающие ребята имели возможность смотреть фильмы.

Смотрел я картину «Человек и ливрея»—не понравилась мне. Непонятно, как он из швейцара сделался миллионером. Вот еще «Круг» смотрел, тоже не нравится—все это, по мне, «волянка» о...

Мне нравятся картины, где есть приключения из гражданской войны. Интересны картины с Гарри Пилем—всегда какие-нибудь трюки ловкие. «Спид» мне тоже нравится.

Научные фильмы я ни разу не видел, а посмотрел бы с удовольствием; но их нигде в кино не показывают.

С п и р и н (рабочий, ф-ка «Пролетар. Труд»)

«Любови» наводят тошноту

Должен сказать, что кино я люблю больше, чем театр. Кино, во-первых, значительно доступней; во-вторых, в кино действия более разнообразны, шире по пространству—они происходят не на одном месте в комнате, а и на улице, площади, море, в воздухе и т. д. Это, конечно, сильнее привлекает, чем театральное действие.

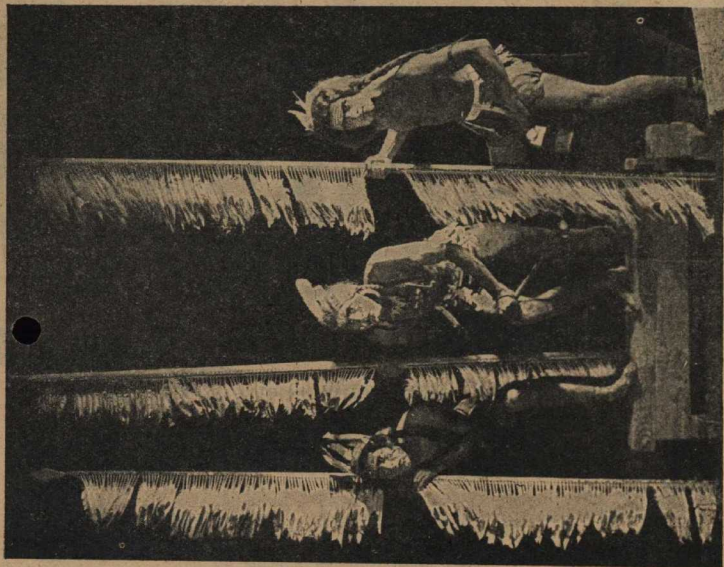
Теперь о советских и иностранных фильмах. Советские фильмы мне очень нравятся, во-первых, из-за хорошей игры артистов, во-вторых, из-за художественной постановки. Я смотрел картины—«Девушка с коробкой», «Мелвезья свадьба», «Коллежский регистратор», «41-й»—все они имеют оба качества.

Из иностранных фильм мне нравятся только приключенческие. «Любози» иностранных фильмов наводят тошноту. Но с приключением в иностранных фильмах—тоже неважно. Эти картины, по-моему, уже зашли в тупик. Мне хотелось, чтобы делались приключенческие картины типа «Мисс Менд»: тут и приключения, и смех, тайны и борьба,—живо и интересно.

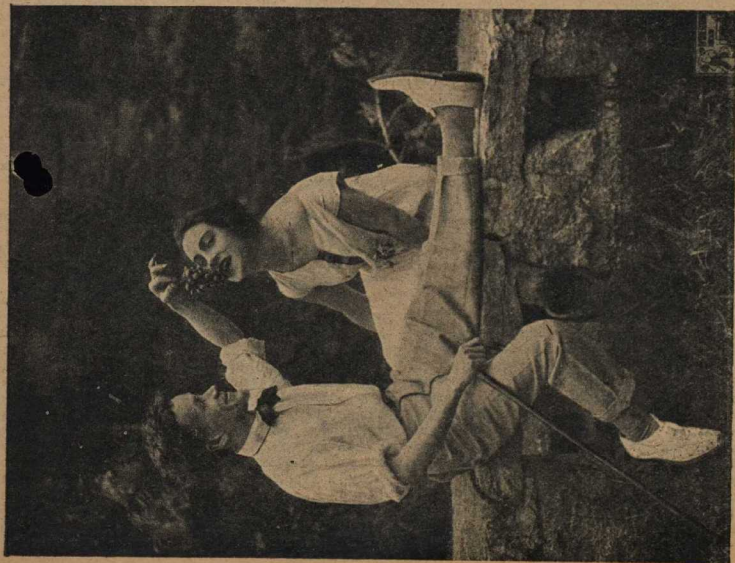
В заключение надо сказать о двух «мелочах». Во-первых, о сеансе. За те деньги, что платишь за билет, по-моему, показывают очень мало. В театре смотришь пьесу не менее, чем 2—2½ часа, а в кино сеанс не более 1 ч. 15 мин. Надо обязательно к каждой большой картине давать или номер хроники или научную картину.

Затем насчет «калошного» вопроса. Когда, наконец, прекратят собирать гривенники за галоши. Пусть, если уж на то пошло, в билете сразу получают за все, а не раздражают зрителя всякими гривенниками.

И. С м и р н о в (рабочий, Изд-во «Правда»)

„Русские индейцы“—дамы американских киноков не дают спать и нашим режиссерам

Смотрите, как привлекается уклончик в кино-обывательщину („Винтик из другой машины“)

Такою иногда выглядит Красная армия в изображении подкрашенных синеглазниц

Как это иногда бывает

Очерк С. ВИНОГРАДСКОЙ

Клубы — ценнейшее октябрьское завоевание рабочей молодежи. Развитие творческих навыков, сочетание отдыха и развлечения с воспитанием, поднятие нашей активности — вот их многосторонние возможности. Яркие освещенные окна клуба, людные аудитории, читальни, уголки, кружковые комнаты — это целая лаборатория, в которой самыми разнообразными путями мы можем поднять свою культуру. Каждый хорошо поставленный клуб выражает сотни и тысячи юношества из убогих лап скуки, разгильдяйства, пьянки и азарта. И каждый мертвый, «дикий» клуб толкает те же сотни и тысячи к поровам «царских клубов» — в пропаланные и узарные стены пивных. Борьба за клубы молодежи против этих старорежимных клубов — борьба за новый быт. Но, на ряду с большими достижениями, в жизни наших клубов еще не все ладно. Засушливое однообразие или же, наоборот, эстрадное ухарство — бичи их работы. Отводя место очеркам о клубной эстраде и о пивной, редакция обращает внимание читателей на огромную важность правильного решения этой, выражаясь шахматным языком, «двухходовки»: клуб — пиеная.

— [Вы сюда не доклад пришли слушать, а художественной части дожидаться. Работой же правления, докладом, вы совсем не интересуетесь! — так распекал собрание член правления юнсекции клуба металлистов.

И верно — собрание почти не слушало того, кто бросал с высоты трибуны пылающие гневом фразы, почти не замечало, как один оратор смеялся другому. Оно было занято другим: в ожидании художественной части пять-шесть сотен собравшихся ребят забавлялись рассказами, переходили с места на место, шли в коридор покурить, возвращались обратно посмотреть — не кончилось ли, наконец, докучное собрание, не начинается ли долгожданная художественная часть. Их было пять-шесть сотен. Из них голосовало при перевыборах юнсекции 70—80 человек. Остальные не имели отношения к юнсекции, не состояли ее членами и являлись принудительными слушателями. Присутствием на докладе они обеспечивали себе возможность посмотреть художественную часть, занять место в зале. Очевидно, велика жажда к представлениям, если ребята готовы в прекрасный зимний вечер под воскресенье преодолеть драку у входа, у вешалки

и 2—3 часа тоски на докладе только для того, чтобы дожидаться представления.

Что приготовили для них, чтобы привлечь их в этот вечер в клуб?

Синюю Блузу.

Все знают этот род живой газеты, все с ней знакомы, нет подмоштов, на которых не подвизалась Синяя Блуза. Но, очевидно, не все оценили «высокие» качества ее исполнения и «высшие» качества ее репертуара.

Два слова об исполнении и оформлении. Шесть жеманных размазанных женщин и несколько дюжих парней, вооруженные щитами римских воинов, символизируют китов советской хозяйственной мощи: индустриализацию, электрификацию, рационализацию, фордизацию, стандартизацию, военизацию и т. д. Они размахивают щитами, защищаясь неизвестно от чего и кого, и выкрикивают слова, которых никак нельзя уловить. Затем те же лица, но без щитов, составляют колонну. Ее венчает женщина, похожая на болонку, на голову которой надели кокетливую розовую шапочку. Колонна должна изображать завод. Возможно. Рассыпавшись, колонна изображает работу на заводе... Едва уловимый ритм труда сдари-

вается гудком—не то завод гудит, не то пастух на заре на свирели играет. Марш, отдающий мистерией, перемешивается с веселым «страданием».

Теперь о репертуаре. Отдав дань китам хозяйственной мощи, живая газета Синей Блузы принимается агитровать за займы, предлагая молодежи на черный день копить копеечку. Агитация постепенно вырастает если не в пафос, то во всяком случае в хамство. «Интернационал» приводится на службу сберкаска; на его мотив поют синемолуныки следующее:

«Мы укрепим бюджетный план
Своею собственной рукой».

«Бюджетный Интернационал» сменяет песенка о Черном Джоне. Изо-Кремер районного масштаба показывает здесь свое искусство. Впрочем, эта Изо-Кремер знает не только Джона из колонии, но и пролетарку из метрополитана. На цыганский мотив, дерущий душу и рвущий сердце, она поет:

«Это было возле речки,
Где стоял всегда завод.
Это было, Манька помнит,
В девятьсот двадцатый год».

Но «перлы» живой газеты впереди. Пейзанка и «пейзан» знакомят собравшихся с содержанием газеты—принимая во внимание, что не все газеты читают». Что же они преподносят? Белогвардейскую поговорку о том, что в «Правде» нет известий, а в «Известиях» нет правды, они поворачивают так: в «Правде» много известий, но и в «Известиях» много правды.

Судить о качестве подобных превращений не станем. За ними идут известия из «Правды», а правда из «Известий» о том, что нет мануфак-

туры, и женщины поэтому носят юбки до пупа (так и сказано), о том, что пудра у ТЭЖЭ очень хороша (это для сведения молодежи); кончается газета наставлением: «Не ходите, братцы, по халтурам!» Вот уж действительно—врачу, исцелился сам. После газеты Синяя Блуза распускается во всю, распахивает блузу.

На просьбу юного слушателя спеть что-нибудь о растратчиках, конференсье отвечает:

— Их достаточно среди нас здесь.

Это среди рабочей-то молодежи, членов юнсекии! Неважно, что здесь клуб, а не пивная, где подобные словечки проворный конференсье обычно откльывает. Не все ли равно пивная или клуб, пьяный посетитель или юный рабочий. Репертуар один—стандартизация.

В почтение все тому же юному залу Синяя Блуза ведет диалоги:

— Вы от сохи?

— Я от тятки с мамкой!

Или демонстрирует искусство советского языка:

— Влюблен я в одну губкожу без всякого политпросвета и целыми днями у нее агитпропадаю.

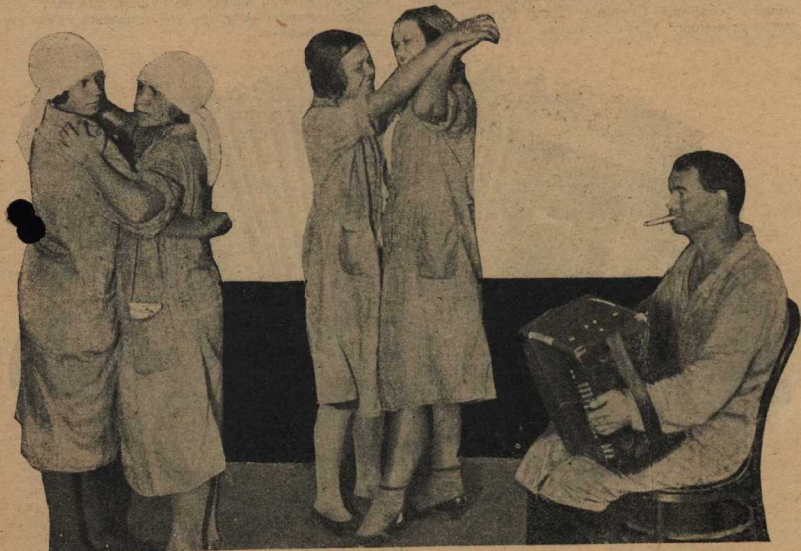
Заканчивается все это вздохом:

— Большевичить нету мочи!

Охотно верим, что большевичить Синей Блузе нету мочи, но терпеть такую Синюю Блузу подавно нет мочи... У входа в клуб толпились дети, заглядывали с завистью в окна, цеплялись за ручки дверей и просили человека, проверявшего билеты:

— Пусты, ну, пусты нас. Вишь, сколько народу выходит оттуда. Будет и для нас место!

Впервые я была рада, что их не пустили в клуб. Право, морозный воздух был лучше «художественной» части на вечере юнсекии.

По-семейному, под гармошку...

П а р у п и в а

Очерк АНТОНА ЛЕПОВА

По стенам плакаты, рисованные очень аккуратно в две краски, с завитками: «Раки», «Лицам в нетрезвом виде ничего не подается», «Неприличными словами просят гр. гр. посетителей не выражаться», «За разбитую посуду взимается с посетителей». Чудаки! Конечно, не стражакса будет платить за разбитые стаканы. Хоть предупредить не мешает, недоразумения бывают... Да: «Со всеми недоразумениями просят обращаться к заведующему». Дальше: «Во время исполнения концертных номеров просят не шуметь». Отлично, значит здесь и эстрада.

— Парочку позволите?—спрашивает официант с перекинутой через руку грязной салфеткой.

— Парочку!

Официант стирает со стола и идет исполнять заказ. Пока можно посмотреть публику.

Больше—рабочие. Попадается и ломовик и палаточник. Женского пола почти не видать, в пивную ходят с приятелем. Только у некоторых столиков сидят женщины.

Одну тетку уже развезло. Лицо раскраснелось, особенно нос, платок сехал на затылок, волосы выбились. Сама она смеется слишком громко и смотрит веселыми масляными глазами на своего кавалера. Остальные женщины пьют медленно и серьезно и больше грызут горох. Это, вероятно, жены.

За столиком слева сидят двое. Тот, что в романовском полушубке и барашковой шапке, осушил залпом кружку и рассказывает:

— В среду ты значит, литейный цех, хоронили нашего товарища Спирина. Да-а! Купили, значит, пуд черного хлеба, полпуда ситного, да-а...

полпуда колбасы, селедки, конечно, фунтов пятналцать, да-а... Ну и ведро чистой...

Сосед слушает внимательно, прихлебывая из кружки.

За другим столиком сидят четверо. Столик уставлен целиком и полностью пустыми бутылками. Компания уже под градусом. Каждый из четырех убеждает остальных трех горячо и очень громко. Выпивший человек плохо слышит свой голос и думает, что и другие его плохо слышат, поэтому шум получается большой. Один из четверки размеренно и увесисто ударяет кулаком по столу и доказывает:

— Я человек такой! У меня...

Эту фразу он повторяет много раз. К столику подходит официант и просит быть потише... «Человек такой» обижается и берет официанта за рукав:

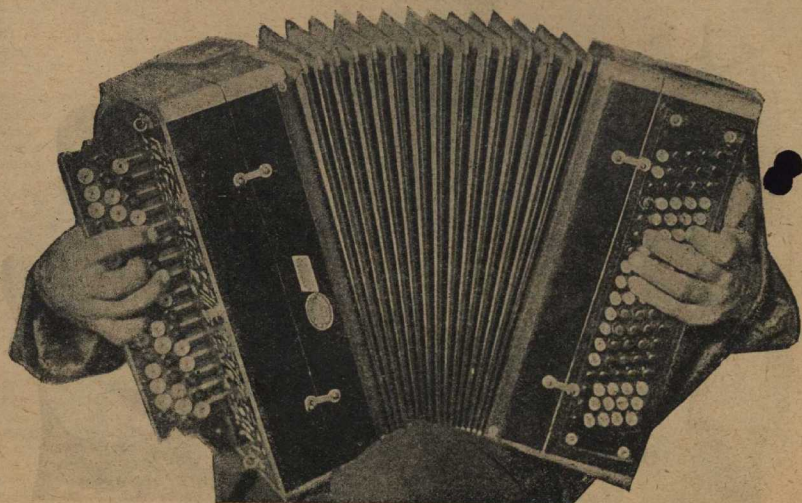
— Митя, ты меня знаешь?

Официант уверяет, что он его знает очень хорошо, но что такое его положение, и что за беспорядок с них спрашивают.

За столиком справа ведется беседа между столиком и слесарем. Столяр говорит:

— Я ему и говорю. Ты, говорю, комсомол, пойми. Я, говорю, человек не молодой, ну что мне в твоём клубе делать? За девчонками бегать я не буду, так? В драмкружок у меня таланты нет, так? В клубе, говорю, шпингалеты одни бегают. А мне, говорю, нужно с приятелем потолковать, чтоб серьезно и чтоб значит, по душам, так-то...

Здесь можно заметить, что молодежи не так уж много в пивных.

Над головами плавает туман. Шум, смех, возгласы, пьяные жалобы, хлопание пробок. Но вдруг на маленьком помосте, именуемом эстрадой, появляется конферансье и возглашает:

— Итак, мы начинаем концертное отделение. Сейчас артистка Инсарова исполнит романс «Если розы расцветают...» Прошу соблюдать тишину... Артистка Инсарова.

Конферансье аплодирует и знаками предлагает публике сделать то же. Публика поддерживает. Артистка Инсарова, женщина весьма полная, сильно декольтированная и уже не молодая, поет:

«Так и вы, медам, спешите,
Каждый миг любви ловите.
Юность, ведь, пройдет,
И красота с ней пропадет»...

Артистка Инсарова успехом не пользуется. Ее вожают довольно молчаливо. Зато разбитной качина, фамильярно здоровающийся с публикой и весело подмигивающий, срывает дружные аплодисменты. Его ампула — частушки с четкой. Этот мужчина, по уверению конферансье, Ваня Коробейников, поет:

«Жена с мужем подрались,
Подрались, развелись,
Пополам все разделили,
Пианино распилили.
Тай-та, та-ри, та-там,
Тай-та, та-ри, та».

Номер пользуется таким успехом, потому что в этой пивной лучших номеров нет. Вообще же рабочая публика, в особенности взрослые рабочие, любят серьезную песню. Вот за углом есть пивная «Низок». Заглянем на минутку туда.

Разбитной мужчина, фамильярно здоровающийся с публикой...

Публика та же, что и в первой. Но сидят здесь дольше, заказывают больше пива и требуют подсыпать горошку побольше. А почему? Потому, что здесь выступает русский хор, мужской. Вот на эстраде выстроились они, человек семь. Впереди сидят два гармониста. Все в синих поддевах, а регент в широких шароварах, сапогах гармошкой, подпоясан серебряным кушаком.

Взмахнул камертоном, и крайний справа тенор выводит звонко и высоко, в особенности на последних нотах:

«Палюбил всей душой я деви-ицу
И готов за нее жисть атдать,
Бирюзою украшу светлицу,
Залатую поставлю кровать...»

Песню слушают внимательно и серьезно. Певцов вызывают на бис. Репертуар у хора старинный. Песни больше разбойничьи и молодецкие. Поют здесь и «В старину живали деды веселей своих внучат», и «Стеньку Разина», и веселую с прибаутками.

Кто-нибудь из публики не выдержит и подтянет. Если он еще не сильно под мухой, то ничего. Если же выпил изрядно, то орет на всю пивную, совсем невпопад и долго еще тянет первый куплет, хотя хор уже перешел на второй. Такому быстро затыкают рот, несмотря на его возмущение и доказательства, что он это «из любви к искусству».

За «павой»

За спорт, против мордобоя!

П. СВИФТ

Яркое впечатление оставляют моменты громадного напряжения в спортивных состязаниях, почти независимо от того, активно ли участвуешь ты в этой борьбе или переживаешь все перипетии ее в качестве зрителя.

Наиболее сильное впечатление из всех видов спорта оставляет, пожалуй, бокс. Не даром из-за того, чтобы посмотреть сотню-две ударов, которыми обмениваются двое крепких физически мужчин в борьбе за титул чемпиона мира, собирается по 150.000 человек (матч Демпсей—Тунней в Америке); люди бросают свои дела и приезжают за сотни миль.

Бокс является сейчас спортом, распространенным во всех капиталистических странах мира и имеющим немало поклонников также у нас.

Бокс в России ввели лица, познакомившиеся с этим видом спорта за границей. Они не разбирались тщательно, что можно взять за образец, подходит ли для полезного применения на родине то, что приходилось им наблюдать на рингах и вокруг них.

Подражание, во многом слепое подражание заграничье из всех видов спорта больше всего проявляется у нас в боксе. И техника удара, и ступня на ринге, обмахивание и растяжение секундантами боксера во время перерывов, костюмчики, хватки молодежи (главным образом, из школ второй стурени), охваченной страстью увлечения модным спортом. Их герои — там, на рингах заграничье; к Демпсеям и Туннеям направлены мысли этих «жоржиков».

Такая молодежь и пополняет пока преимущественно ряды боксеров.

Подготовка боксера

Разнообразна и полезна подготовка боксера. Сюда входят прыжки через веревочку (так называемые упражнения со скакалкой), ходьба и бег

для развития выносливости. Азартно возникает боксер свой кулак в тяжелый, наполненный опилками мешок, тренируя удары. Ловкость попадания вырабатывается на качающемся мяче-груше. С силой ловится и бросается тяжелый мяч—медицинбол.

Много упражнений продлевает боксер раньше, чем выйти на ринг. Эластичность в движениях, ловкость и проворство, выносливость и гибкость выгодно отличаются парня, назвавшего регулярно и правильно тренироваться по боксу.

Другое дело, когда он выходит на ринг.

Вот как описывает бой один из моих товарищей.

Первый раз на ринге

Мы оказались одновременно на четырехугольном, обтянутом веревками помосте. Чувствую волнение, значительным усилием воли сжимаю челюсти, чтобы не ласкали зубы.

Сигнал судьи. Сейчас начнется схватка. Встаю со стула, который немедленно убирается за веревки проворной рукой секунданта, и подхожу к товарищу по спарту, — сейчас мой противник.

Обмениваемся рукопожатиями и отходим. Теперь мы уже готовы к схватке.

Глазами ловишь вглядываешься в противника. На руки смотреть

нельзя: будешь обманут. Только поймал молниеносный взгляд на то место, по которому сейчас последует удар, можно не заподозить с защитой.

Мы обмениваемся рядом ударов, большею частью не достигающих цели или ослабленных соответствующими движениями корпуса, головы, прикосновением защищающих рук.

Получаю первый удар по лицу. Из глаз искры, шум в голове. Сразу рождается чувство дикой злобы; особенно действует, что рядом кричат:

— Ловко попал! Так, дай ему еще!
Хочется наскочить на противника, грызть его зубами, вцепиться в горло. Удерживаешь себя,

Избежал удара. Своевременный наклон корпуса вперед — и кулак противника скользнул мимо

начинаешь только стараться побольше, покрепче ударить его.

«Вот, залепил бы в лицо!» мысль в голове. Несколько неудачных ударов. Наконец, желанный момент. Кулак в перчатке сочно прикасается к носу и щеке товарища, которого я в данный момент ненавижу всеми фибрами души. Кто-то захлопал, слышу одобрительные голоса. Товарищ падает, сейчас же поднимается.

В эту минуту об'является перерыв.

Нужен ли нам бокс как спорт?

Действительно, можно ли «мордобой» отвести место в системе нашей физической культуры?

Этот вопрос уже решен. Бокс пользуется у нас такими же правами гражданства, как и все остальные виды спорта.

Тов. Томский, выступая на собрании физкультурного актива Москвы, правильно заметил, что бокс нужно разбирать с той точки зрения, — каким он целям служит. Если боксом занимаются только для того, чтобы разбивать друг друга носы, тогда бокс вреден. Если рабочий занимается боксом для того, чтобы сделаться крепким человеком, тогда, конечно, бокс полезен.

Но нельзя согласиться с той формой культивирования бокса, которая проводится сейчас у нас и имеет очень много схожего с профессиональным боксом за границей.

Нельзя присуждать, например, победу боксеру за то, что он сумел случайным, может быть, ударом нокаутировать, оглушить противника.

Бокс или кулачная расправа?

Очень показательной является встреча рабочих боксеров Финляндии и наших в Москве, в помещении Госцирка. Эти матчи можно было охарактеризовать так: спортсмены против кулачных бойцов.

В самом деле, финны не дрались, а фехтовали — таково было впечатление всех следивших за матчем. Быстрые, подвижные, ловкие боксеры с удивительным дыханием, финны непрерывно двигались, почти бегали по рингу, то нанося удары, то

уходя от них. Видно было, что в ударах они больше всего ценят и тренируют ловкость попадания, быстроту нападения, выносливость в движениях, а не стремление сбить, «сугробить» противника.

Наши боксеры оставляют совершенно другое впечатление, особенно москвичи. Малоподвижные, они реже наносят удары, не так тщательно стараются защититься от каждого нападения противника. Зато упорно ищут подбородка, ищут места, удар по которому вызывает обычно нокаут — выбытие из боя, обморочное состояние. Когда смотришь на кого-либо из московских чемпионов, так представляешь его психологию:

— Ты попади по мне хоть десять раз — это ничего, стерплю; а все-таки, в конце концов, я тебя сшибу.

Владеть мышцами и следить за глазами противника!

Характерную картину представляла встреча на международном состязании одного из лучших наших боксеров Градополова с молодым бойцом, тоже москвичом. Градополов выступал малотренированным, он определенно проигрывал в схватках, получал гораздо больше ударов, чем отдавал их. Но зато он явно пытался несколько раз поймать противника на нокаут. В конце концов, это удалось «чемпиону» бокса. Противник упал и не смог продолжать дальше бой.

Рев, крики, аплодисменты наполнили цирк.

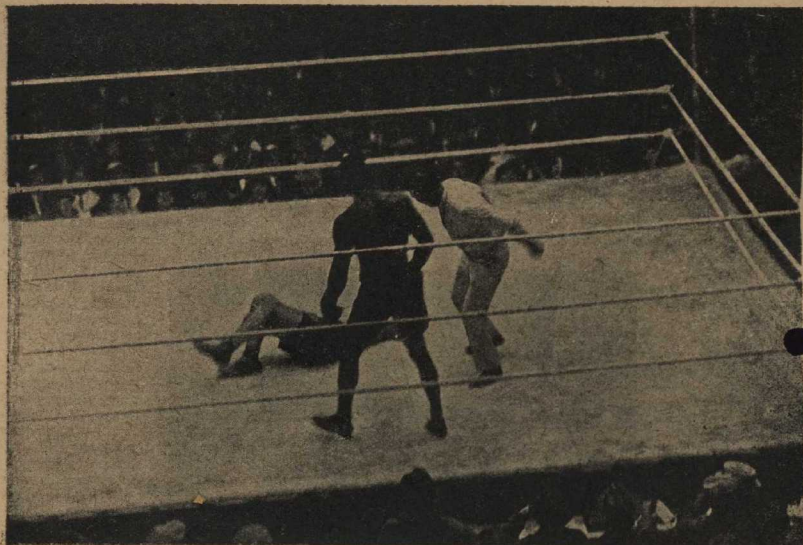
Торжествовали друзья и одноклубники победителя. Победителя в чем? В спортивном состязании? Как спортсмен, Градополов проиграл бой, пото-

му что по количеству полученных и отданных ударов, как и по тренированности, он уступал противнику.

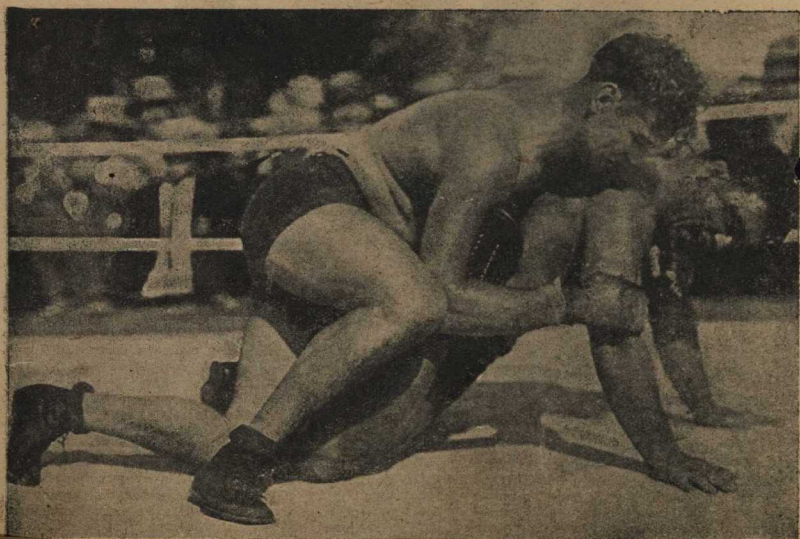
Боксер, стремящийся нанести больше ударов и отразить с наибольшей ловкостью каждый из ударов противника, — спортсмен.

Боксер, спокойно принимающий удары, пропускающий некоторые из них в ожидании момента, когда можно будет оглушить и сбить с ног противника, — не спортсмен, а кулачный боец, по примеру тех, которыми так богаты буржуазные страны.

Если нам нужно воспитывать в духе не здорового спорта, а мордобоя наших физкультурников, то нельзя все-таки их показывать в цирке, начиная звериными инстинктами толпу обывателей.

„Нок-аут“ в профессиональном матче. Подражать ли нам такому не спорту, а бою?

Тиспиривка оукс-ра—„вольнаамериканская“ борьба

Наброски о юношах Парижа

С. В.

Я буду управляющим отеля

Альберту Клеман—17 лет. Он носит короткие панталоны, учится в закрытом колледже, куда каждую осень отвозит его мать, и считает, что выше Франции нет ничего на свете. Летом он тренируется на теннисной площадке, зимой изводит всех игрой на скрипке, а постоянно мечтает быть управляющим большого отеля.

Его отец служит в банке, владеет русскими ценными бумагами и «интересуется» колониальной политикой Франции.

Мать содержит семейный пансион в вилле «Прекрасные Дни». Ежедневно с тоской оглядывает она виноградник, проданный американцу—вздыхает по поводу дорогой платы за учение в колледже и вышивает семнадцатую подушку для дивана.

Банк, колонии, пансион, проданная американцу земля, русские бумаги—это и есть сегодня мелкой буржуазии Франции. В этой обстановке живет Альберт Клеман.

Убеждения его просты:

— Рабочие,—говорит Альберт,—это идиоты, которые ничего не понимают и поэтому голосуют за коммунистов. Враги Франции—боши. Смысл жизни—деньги. Задача состоит в том, чтобы обуздать идиотов, поколотить еще раз, но как следует бошей, и скопить со временем побольше денег. Не заработать, а скопить.

В ранний вечер, когда шум автомобиля едва-едва доносится в закрытые жалюзи окна и эта Клеман, устав от дневных трудов, раскладывает в гостиной пасьянс, Альберт разглагольствует:

— Нет такой страны, как Франция! У нас все самое прекрасное. В колониях мы никого не притесняем, в стране у нас все имеют политические права. Наша страна самая красивая. Где еще найдется такой Париж? У нас лучшая литература, лучшее искусство, лучшие музеи, лучшие женщины.

— Альберт, но почему же лучшие женщины лишены у вас прав политических? Почему ваши летчики никак не перелетят океан? Почему Бетховен родился в Германии, почему...

Альберт осекается, но потом презрительно бросает:

— Женщинам прав не...

Восхваление Франции связано у Альберта со словесным уничтожением Германии, с перечислением всех зверств, учиненных немецкими армиями на севере Франции, и перечислением армейских анекдотов про француза и немца, где бош (иначе Альберт не именуется немца) неизменно остается в дураках.

Покончив с Германией, вознес на Олимп Францию и пропев песенку «Мой Париж», Альберт начинает строить планы будущего. Из кармана извлекается бумажник, из бумажника—содержимое. Сберегательная книжка и 300 франков наличными—основной капитал Альбертова будущего. В 17 лет, сидя на школьной скамье, ведет он ежедневно счет своему капиталу—процентам по сберегательной книжке, получкам карманым от отца и матери и частным доходам от урока или проданной книги.

Колледж для него—скупная обязанность, из литературы он признает одни романы приключений, Муссолини для него второй после Наполеона человек, управление отелом—самое выгодное и желательное занятие.

— Альберт Клеман не плохой юноша,—говорят о нем друзья.— Правда, книга не царствует на его столе, но он зато еще не царствует в дансинге. Велосипед, фото-аппарат и теннисная площадка—поприща, где он подвизается. Остальное приложится. Ведь Альберт еще молод, не испорчен, почитает родителей. А главное, он такой красивый.

Что можно добавить к этому портрету Альберта Клемана? Он для нас ясен—милый юноша доброй Франции, основной слой которой обозначен термином «мелкая буржуазия». Альберт Клеман—ее сын.

Оставим его в покое—мы осветили на миг его портрет лишь для того, чтобы подойти к сынам пролетарской Франции.

Движение и карманьола

Анри Мар—один из них. Комсомолец, рабочий крупнейшей в Париже типографии, он ездил весной в Россию. Это сразу подняло его авторитет в Порт-Венсен, парижской окраине, где он живет. В комсомольской газете Венсена, которую он издавал...

КУМИРЫ МИРОВОГО МЕЩАНСТВА

Человек—гигант, зарабатывающий себе славу джигитовой кавалерийской лошади

Кумиры мирово

Европа и Америка увлекаются конкурсами на женскую красоту. На снимке (слева) — премированная красавица Франции. Несмотря на то, что это — «демократичная» красота, можно судить по той жемчужной чешуе, в которую она оправлена

„Божков“ нужно создавать всюду. В национальной британской армии им может быть самый высокий барабанщик (фото слева)

Человек-туша. Это — 28-ми летний американец. Он весит 745 фунт. (18½ пудов), разезжает в грузовом автомобиле, его тяжести не выдерживают обыкновенные стулья. Янки могут гордиться им, как образцом человеческого совершенства

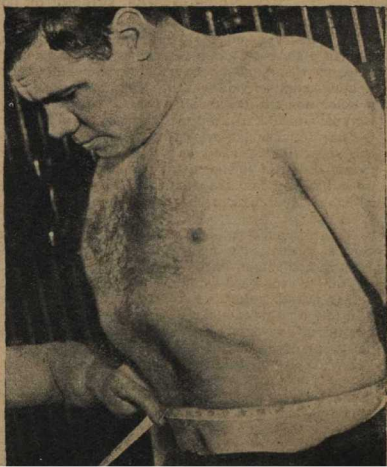

го мещанства

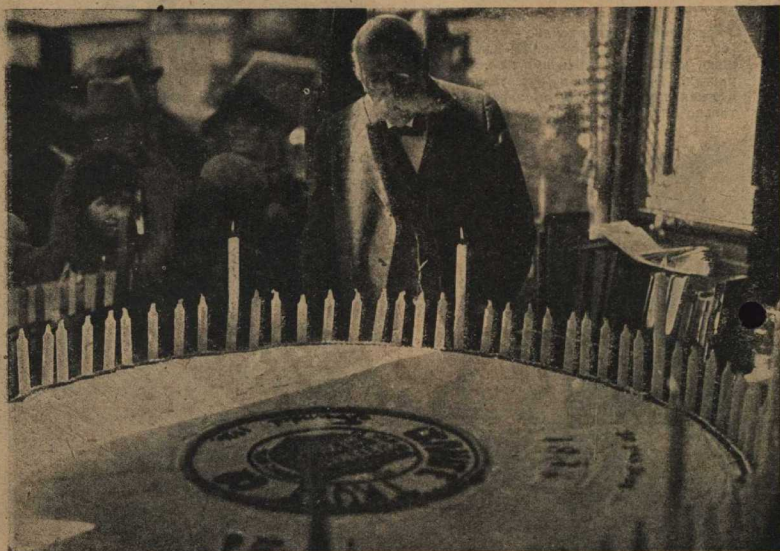
Упражнение спортсмена - профессионала (фото справа). Нужно иметь негнушущую шею, чтобы заслужить имя на европейских рингах. Профессионал буржуазных стран должен помнить, что он зарабатывает не только для себя, но и на нем зарабатывают

Заботливая рука предпринимателя ревностно наблюдает за состоянием здоровья своей „дойной коровки“. На снимке (справа) американский боксер Баб Рут подвергается такому осмотру

Господин мещанин у себя дома

Американский банкир Теофиль Кинг наслаждается зрелищем гигантского гранитного манделябра с 80 свечами, который он подарил себе в день своего 80-летия

шее распространение. На собрание, где он делал доклад о России, явились все комсомольцы Венсена, их товарищи и подруги, случай редкий среди французских комсомольцев. Как партийцы, так и комсомольцы не очень любят собрания. Пылкая натура, живой характер требуют действия. Митинг, где оратор, сверкая глазами, потрясая кулаками, извергает полные гнева и пафоса речи, разъясняет смысл событий и задачи дня—доступней их восприятию, чем талантливая книга, чем насыщенная политической остротой и классовым анализом брошюра.

Природная подвижность не дает ему одолеть долгое заседание и премудрость книжных строк. Улица, движение, слово—атрибуты его темперамента. Он весь в движении, всегда на улице, слова не застревают комом в его горле. В кругу товарищей, за столиком в кафе, на митинговой скамье, в демонстрантской колонне оттачивает он свой язык, быстрый, острый, тонкий, веселый!

Он любит карманюлу и силу сжатых кулаков, и перебранку с полицией, и драку с Камло-дю-Руа (молодые фашисты) и демонстрации протеста. Но когда нет ни того, ни другого, ни третьего—комсомолец Франций заседает... в кафе, действует на дансинге, ораторствует перед... своей подругой. Этот переход мгновенен.

Мать, вернувшегося из России,

шали ему помощь, защиту, шли за ним без боязни, с энтузиазмом на демонстрацию, швыряя в полицию камнями.

Но когда тот же Анри пытался вовлечь их в кружки, на заседания, они испарялись, чтобы долгими вечерами заседать в кафе, сыпать островами, потешаться над полицией, ухаживать за подругами, выбрасывать ногами в чарльстон.

Чарльстон и бесстрашная политическая борьба, кафе и бои с полицией—уживаются в пролетарском юноше Франции. Его подвижная, взвинченная, живая натура, полная традиций революционной борьбы, не знает, не терпит, не выносит строгой, дисциплинированной, организованной работы над собой.

Редки кружки, что серьезно работают, заседания, что проводят организации, юношеская охрана, что в дни митингов, демонстраций и выступлений пролетариата охраняет ряды, перенесенные на французскую почву из России, Германии. Лишь теперь они начинают крепнуть во Францию.

Но свое, французское—это живость, подвижность, легко воспламеняющийся гнев, страстность слов, сила увлечений, любовь к забавам, развлечениям и бесстрашная революционная борьба. Этим полон юноша пролетарской Франции.

Суровая правда

Если бы вы развернули папки молодого болгарского художника тов. Гора и перелистали бы сотни его зарисовок — странный, жуткий, поражающий мир развернулся бы перед вашими глазами.

Страдание, смерть, пытки, виселицы, кладбища, цепи... Трудно как-то даже верить, что это действительность, а не кошмары воображения. Но это так — художник дает жизнь своей родине во всей ее жуткой реальности. Это трущаяся Болгария, которая не отказывается от борьбы, несмотря на кровавое основание палачей. И как бы ни были мрачны зарисовки тов. Гора, они вместе с тем дышат суровой решимостью, и фон каждой из них — слепящие лучи солнца. Тов. Гора не только художник страдания, но гораздо больше — художник борьбы. Мы помешаем на броски тов. Гора, изброжающие борьбу Болгарского комсомола.

БОЛЕЗНЬ СВЕТА

Научно-фантастический роман РОНИ СТАРШЕГО
Перевод А. ГАТОВА. Рисунки С. ЛОДЫГИНА
(Окончание 1)

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. Молодой ученый Мейраль неожиданно замечает странную двойственность в световых отражениях. Он спешит поделиться этими наблюдениями со своим учителем Лангром. Проведенные опыты убеждают ученых, что они присутствуют при начале загадочной катастрофы. Одновременно в поведении людей замечается возрастающее возбуждение... Налицо несомненная болезнь света, которая катастрофически отражается на жизни человечества. Из спектра последовательно исчезают фиолетовые, синие и др. лучи, и люди, пережив возбуждение, впадают в апатию. Загадочные явления в межпланетных пространствах лишают их электричества и пара. Но вот новая волна аномалии убивает и тепловую часть спектра. Земля освещается мертвенным, рыжим солнцем, а люди поражены массовой смертностью и сном, который граничит с полной безжизненностью. Ряд событий, за которыми наступает перелом. Новый прилив энергии воскрешает жизнь. Человечество становится свидетелем необычайного расцвета природы и своих сил. Но ряд тревожных признаков заставляют ученых предполагать, что катастрофа еще не закончилась.

ГЛАВА II (второй части) Странные пятна ²

Последующие дни были прекраснейшими, которые когда-либо знало человечество. Жизнь, живя самая простая приобрела неизъяснимую прелесть. Вся земля до полюсов покрылась цветами, всюду растения переживали вторую весну. Воздух был пропитан благоуханиями; природе как бы возвращалась ее девственность; каждый луг напоминал саванны, маленькие роши превращались в густые леса, безумный рост вызывал в памяти легенды о сотворении мира.

Однажды утром, одеваясь, Сабина заметила у себя на груди и на руках пятна, светлые, бледно-коричневые. Они были неровны; Сабина смотрела на них более с любопытством, чем с боязнью, и старалась понять, что это такое. Ей это не удавалось. Пятна походили более всего на кровоподтек.

Пока она размышляла, вошла горничная с детьми.

— Посмотрите, — заметила она, — что-то странное.

Сабина осмотрела детей; их тела были покрыты такими же пятнами, но более определенными на поверхности живота. Тогда беспокойство охватило душу матери.

— А у вас, Цезарина, тоже?

Горничная растегнула корсаж. Кожа у нее была более грубая и темная, чем у Сабини и у де-

тей, поэтому пятна не сразу оказались заметными.

- Дети себя хорошо чувствуют?
- Да, сударыня.
- А вы?
- Я так же.
- Это удивительно! — подумала молодая женщина.

Беспокойство ее все росло, но беспечность, которая, как элексир, была разлита повсюду, не пала Сабине расстроиться.

— Нужно посоветоваться с отцом, — решила она и направилась к старику с Мартой и Робертом.

Лангр, как большинство старых людей, встал рано и был в лаборатории. В прежние время появление дочери в такой ранний час удивило бы и испугало его. Теперь же он едва удивился.

- Ганибал у дверей? — улыбнулся он ей.
- Но осматрив детей, он стал серьезен.
- По крайней мере, странно, — пробурчал он, — но ты говоришь, что и у тебя?

Сабина вместо ответа подняла легкий рукав пелюара. Пятна, редкие у кисти, утолщались у локтя. Они не были ошутими на ощупь, кожа оставалась ровной и гладкой. С первого взгляда они казались однообразными, но после короткого внимательного осмотра можно было различить точки, борозды и смутные фигуры.

Под лупой ученого контуры определились: они образовывали треугольники, четырехугольники, пятиугольники и многоугольники. Точки оказались эллипсами, борозды — параллельными.

¹ См. «Смену» №№ 19, 21, 22.

² Эта глава совершенно фантастична и не дает никакого научно объяснимого материала.

— Я раньше занимался медициной,—проговорил старый ученый,—но не видал ничего подобного никогда.

Он еще несколько времени рассматривал грудь мальчика, у которого пятна были особенно сильны.

— А как у меня?

Он поднял рукав рубашки. Сабина едва различила очертания пятен, которые определились под лупой. Они имели все те же особенности, только в более слабом виде.

— Я был прав,—заметил ученый изменившимся голосом,—планетная драма продолжается¹.

Впервые за это время вернулся к нему его пессимизм. Ему стало страшно тяжело.

— Но все-таки,—воскликнул он,—мы не испытываем ни малейшего недомогания.

— Ни малейшего,—согласилась Сабина.— Дети чувствуют себя все так же отлично.

Мейраль вошел в лабораторию.

— Вы говорите про пятна?—спросил он.— Я заметил у себя вчера, когда ложился, но не обратил на них особенного внимания. Их было шесть или семь и они увеличались за ночь.

— И вы не обеспокоены этим?

— Нет, я старался казаться обеспокоенным, но не ощутил ничего, кроме любопытства. Я вижу вас всех здоровыми и поэтому совершенно спокоен.

Может быть, он старался казаться беззаботным ради них, но его слова рассеяли беспокойство, вызванное словами Лангра.

— Я не желаю ничего лучшего,—объявил старик,—я был бы рад, если бы мог быть уверенным в том, что они пройдут безболезненно. Может быть, мы узнаем что-нибудь, наконец!

Он улыбался. Надежда заслоняла у испытателя страх неизвестности, и он беспечно предложил всем отправиться завтракать.

После завтрака Мейраль заявил:

— Я пойду к реке.

Это было сказано им как бы вскользь и случайно. На самом же деле такая прогулка была для Мейрала своего рода опытом.

Вот уже три недели, как он не совершал один отдаленных прогулок. Выйдя из сада, он был охвачен знакомым ему желанием вернуться домой. Но он не уступил ему и пошел по улице вниз к реке.

Но по-малу он почувствовал недомогание; тонкие нити влекли его назад. Одновременно он чувствовал близость тех, кого он покинул. Он как бы присутствовал там, где находились Лангр, Сабина, дети, прислуга, животные. Дойдя до реки, он остановился, чтобы лучше проверить состояние своих нервов.

Остановка ослабляла влечение домой, но какое-то странное неустойчивое нервное напряжение толкало его мучительно догадываться о том, что делают все оставшиеся дома. Так он непостижимо для себя догадывался, что в данную минуту Лангр возобновил свои опыты, что дети играют у главного крыльца с собакой, что садовник снимает плоды. Но способ познания не был ни слуховой, ни зрительный, ни осязательный. Он знал это—и только. И если, например, он волновался при мысли, что Цезарина расчесывает душистые волосы Сабины, то лишь потому, что зрительный образ заслонялся другим, незна-

комым ощущением, так же, как реальный образ заслоняет образы, вызванные чтением или мечтой.

«В общем,—решил он,—часть их жизни связана с моей. Но все же я не могу читать их мысли».

Он сделал несколько заметок в своей записной книжке и пошел дальше. Это становилось все труднее и труднее. Когда же пройяла островок, Мейраль оказался вблизи водопровода, ему стало настолько тяжело делать каждый шаг вперед, точно он тащил тяжелую телегу. Крупные капли пота текли по его затылку, виски казались сдавленными тисками и в груди нехватало воздуха.

«Продолжение опыта бесполезно»,—решил он и повернул обратно.

Мышечное напряжение тотчас ослабло и сменилось неодолимым влечением вперед; страдание уменьшилось. Он приближался к деревне с возрастающим успокоением, шел бодро и легко; порывавшись с островом, он почти бежал. Головная боль проходила. При последнем повороте она прекратилась.

— Ваше отсутствие как-то необычайно неприятно отразилось на нас,—заявил ему Лангр, лишь только Жорж переступил порог лаборатории.

— Так же, как и на мне,—возразил молодой ученый.—Мне вас всех очень недоставало, при чем я испытывал отсутствие вас всех, вы же меня только одного, я делал кроме того над собой страшное усилие, вы же оставались пассивными.

Они оба погрузились в глубокую задумчивость. Наконец, Лангр воскликнул с возбуждением.

— Я отлично знаю, где вы были и где становились.

— Я знал, все то, что вы делали без меня. Если бы не мой оптимизм, я был бы в ужасе: все происходило так, точно мы стали единым существом.

— Да, единой личностью,—согласился Лангр.— Ясно, что между всеми нами существует странная органическая связь. Или это какая-нибудь энергия стягивает слабое звено, которое объединяет живые существа в нормальное время, или это жи-

Под лупой ученого контуры пятен определились...

¹ Потому что появление необъяснимых пятен на коже может зависеть, по мысли автора, только от вторжения в наш мир другого мира.

вые связки, которые образуются между нами... или же...—он оставовил, чтобы передохнуть. — ...или же мы попали в страшную ловушку! Мы охвачены другой жизнью¹.

ГЛАВА III

Карниворизм

Пятна увеличились на следующий день: болезнь, если это было началом новой болезни, распространилась на людей и животных. Всюду живые существа образовывали маленькие группы, объединенные необъяснимой силой; с каждым днем отдельных лицам становилось все труднее и труднее расставаться со своими близкими, удаляться от них на некоторое расстояние. Это расстояние изменялось соответственно с густотой населения и местными условиями. Отдельные индивидуумы испытывали недомогание по мере того, как они удалялись от своих более чем на триста или на четыреста метров. За этим пределом они уже испытывали страдание и возрастающую усталость. В других местностях эта полоса передвижения, как назвал ее профессор Мак-Карти, достигала 700 метров, кое-где—800 и 900.

По мере того, как это явление нарастало, появилось много изменений в общественной и личной жизни. Путешествия стали почти невозможны. Всякое значительное передвижение влекло за собой путешествие целой группы лиц, или вызывало катастрофу. До августа чрезмерное удаление сопровождалось страданиями, затем оно стало вызывать смерть. Смелые, упрямые или небосторожные личности погибли в большом количестве.

Вся группа разделяла недомогание отсутствующего, но никто из оставшихся не погибал. Несомненно, что разделение группы становилось источником общего страдания и недомогания пропорционально пройденному расстоянию.

Соответственно этому изменились и условия общественной жизни. Лица одной и той же группы не могли работать на большом расстоянии друг от друга; личный состав фабрик, заводов, торговых домов стал ограничен, уменьшилась продуктивность работы, которая часто прекращалась; к счастью, хороший урожай уравновешивал ослабление производительности труда.

Передвижение в автомобиле становилось почти невозможным, так как шофер так же, как и путешественники, должен был брать с собой остальных членов своей группы. Умудрились образовывать группы в колясках и в вагонах. Железная дорога давала для этого больше возможности, но становилось все труднее подолбить общую группу механиков, шоферов, контролеров, кондукторских бригад и путешественников.

Все цивилизованные народы стали вегетарианцами, так как смерть некоторых домашних и хищ-

ных животных влекла за собой печальные последствия для всей группы. Между тварями образовались странные, трогательные и подчас нелепые отношения. Так, целые процессии бедных, богатых, и их собак, кошек, лошадей, домашних птиц ходили по городу так же, как и группы крестьян со своим скотом в спровождении воинов, сорок, соек, яблыков, щеглов, ласточек, зайцев, полевых мышей, ежей, иногда даже козульт и кабанов.

В общем передвижение стало столь же ограниченным, как в самом начале планетной катастрофы. Трудности передвижений на земле встречались и на море. При этом случаи ости морского сообщения образовывали оригинальные группировки. На некоторых судах, особенно океанских пароходах, сами матросы организовывали группы и привязывались к своему судну, как обитатели земли к своим жилищам.

До конца августа положение оставалось таким. Страдали лишь те, которые упорствовали в неприязни демаркационной зоны²; умирали лишь те, которые проходили крайний предел, предназначенный для их группы. Для других жизнь протекала довольно приятно в тесном кругу. Неспытанные дотле радости жизни перевешивали ее тяготы. Никто, верно, не отдавался так сильно этим новым ощущениям, как Жорж Мейрале. Он проводил целые часы в самонаблюдении, ища в собственных переживаниях объяснение жизни других. Он испытывал странные ощущения полета, сообщавшиеся ему птицами, принадлежавшими к его группе. В своих мечтах и раздумьях он узнавал изгибы мыслей Лантра, чувства Сабины, свежею непосредственность детей.

Вся прелесть этих ощущений состояла в том, что они были смешаны из ощущений жизни коллектива и личной. Последняя ничуть не страдала от этого; наоборот, она становилась более сильной, более яркой. Таким образом, ущерба от этого не было. Выгрыши был налицо. Все же оставалась некоторая пропорциональность в общении. Исключительная чувствительность двух лиц только смутно ощущалась другими. Любовь Мейрала к Сабине была известна только молодой женщине, хотя Лантр тоже смутно ощущал и одобрял. Но зато Сабина чувствовала эту любовь, которая смущала ее. Часто, мечтая о себе в комнате или в саду, она чувствовала, как яркая краска заливала ее лицо. Это было в те мгновения, когда Жорж особенно томился по ней.

Однажды Жерар пришел домой. В руках у него был свежий номер «Экзельсиора», которым он нервно потрясал в воздухе.

— Вы читали?—спросил он.

— Нет еще,—отвечал Мейрале.

— Так читайте же!

Он указал ему на заголовок и на передовую статью:

«Страшные вести из Вестфалии»

Зловещие и странные вести получены нами из Вестфалии, где, как уже известно нашим читателям, отдельные группировки речке, чем в остальной Европе. В течение нескольких дней в этой местности наблюдается мясной

² Пограничной полосы.

¹ Автор хочет рассказать читателю мысль, что все люди и животные в это время как бы «пропустили» зародышами каких-то живых существ из другого мира. Они пронизывают их так, как грибок гриба или корни дерева пронизывают почву и связывают ее в единый комок, который нельзя разорвать, не повредив грибу или дереву. Поэтому-то всякое удаление от своей группы, растягивая эти нити, и вызывает различные болезненные явления и даже гибель членов группы. Все это, конечно, фантазия.

голод¹, особенно к востоку Дортмуда. Жители охвачены жадной мяса, которая становится все сильнее и обнаруживается у некоторых с нестерпимой яростью. Группы похищают друг у друга домашних животных или охотятся с дикой страстью за дичью, которая почти вся уничтожена. В некоторых округах дело дошло до открытых военных действий; люди убивают друг друга; несколько сот человек пало в этих схватках. Сведения, получаемые нами оттуда, неопределенны, так как опасно, даже почти невозможно послать туда корреспондентов, хотя сериях событий происходящих событий очевидна».

— Нам придется дорого заплатить за эти два месяца спокойствия,— заметил старик.— Я верно предвещал продолжение планетной катастрофы. Он бесился;—старый пессимизм вновь овладевал его душой, искажая его лицо.

— Разве вы не замечаете, что наше счастье уходит? Сладость, разлитая во всей природе, уменьшается с каждым днем.

— Это было бесспорно. Если в силу природных яств или возраста он ощущал это яснее, чем другие, то и Сабина, и Мейраль не могли этого отрицать.

— Новая беда приближается к нам. Она распространится по всей Европе и по всему миру.

— Можем ли мы предугадать будущее?—заметила Сабина.

— Ты права, — жалобно сказал старик.— Но все же надо нам подумать, как себя защитить.

— Как звать, распространятся ли дальше вестфальские события?—вмешался Жорж.

— Да можно ли об этом еще раздумывать?—возбужденно вскричал Лангр.—Разве мы видели с самого начала катастрофы хоть какое-либо явление, которое не распространилось бы потом по всему свету?

Мейраль не ответил ему. Жоржу хотелось успокоить Сабину, но он не менее старика верил в распространение явления.

ГЛАВА IV

О П Ы Т Ы

В продолжение целой недели они накапливали опыты. Пятна на теле становились более ясными, и помощью лупы можно было различить детали поверхности. Сперва неподвижные, они начали передвигаться, и их передвижение обнаруживало их необычайное строение. Когда они двигались по телу, оно не сохраняло ни малейшего следа их недавнего присутствия и оставалось вполне здоровым. Когда это было установлено, Лангр и Мейраль старались узнать, состоят ли пятна из какого-либо вещества. Самые тонкие наблюдения не привели, однако, ни к какому результату.

¹ Недостаток мяса может иногда доводить до безумия. Дикари нередко затворают войны только для того, чтобы мясом убитых и пленных утолить эту безумную жажду. Когда Сэнли пионик в области одного негритянского племени, охваченного таким явным голодом, его вместе со спутниками встретили криками «мясо мяса», видя в них прежде всего только мясо, своеобразную дичь. Убитый путешественником бегемот, мясо которого излечило всю деревню, сделал из этих людоедов самых верных друзей его и защитников.

Однажды утром они сделали замечательное открытие. Чтобы произвести массовый опыт, они собрали в лаборатории людей и животных. Лангр, после многих попыток нашел ту же странную рефракцию, хотя в гораздо более слабой степени, чем при начале планетной катастрофы.

Но это было еще не все. Мейраль обнаружил, что лучи, которые наблюдались при начале катастрофы, продолжают свое действие и соединяют все пятна между собой и всю группу.

— Это несомненно,—согласился старый ученый.—Заметьте, что они в свою очередь различаются в оттенках.

Они были подавлены нахлынувшей волной предположений.

После паузы Лангр пробурчал:

— Почему явление обнаружено под действием красных лучей? Разве оно не может происходить при других? Попытаемся проверить это.

— Очевидно, красные лучи берут верх над оранжевыми,—заклучил Мейраль после исследования.—Это имеет связь с тем, что мы наблюдали в начале катастрофы; по мере того, как гасли правые лучи, красные усиливались.²

И это является еще одним доказательством того, что у пятны и у катастрофы источник энергии один и тот же. Теперь я уверен, что это ток энергии.

— Вы не верите, что этот ток жизненный?

— Нет, не думаю.

— А вы считаете, что пятна обладают жизненной силой?³

— Я в этом уверен. Феномен, жертвами которого мы являемся—органического порядка.

— Так что земная жизнь теперь—двойная жизнь?

— Двойная? Да, это вы верно выразились! Но феномен не только поражает силы; он ведь и усиливал нашу активность.

— Как бы это было интересно, если будущее не оставалось бы загадочным.

— Оно более, чем загадочно! Страшные опасности ждут нас...

ГЛАВА V

«ПАРОКИЗМ»

Сообщение делалось все затруднительнее. Поезда ходили только по главным линиям и служили для перевозки продовольственных грузов. Почта функционировала не регулярно; письма и газеты выходили с значительным опозданием или терялись. Людями начинало овладевать утомление, резко упала их трудоспособность и увеличивалась сонливость. Это ослабление происходило всюду, где не развивался карниворизм⁴. Там же, где он укоренился, царил лихорадочное возбуждение, достигавшее пароксизма. Охваченный им человек или животное дрожали; они лежали в позе людей; больных менингитом, и не были в состоянии удержаться от стонов.

Их температура скачками падала до 36 градусов, иногда до 35,5; потом она внезапно подымалась до 38 и до 38,5. Тогда наступал период возбуждения и бреда. У животных он выражался

² На спектре красные части его расположены слева.

³ Т.е. что пятна на теле—это какие-то зародыши особых живых существ. Фантазия!

⁴ Болезненная потребность в мясе.

Во всякое другое время этот караван показался бы странным и нелепым...

неистовством движений, у людей вызывал манию величия, одержимость и манию преследования.

В местностях, где были сделаны запасы мяса, эта болезнь не существовала; обильное потребление мяса вылечивало больных. К несчастью, хотя растительные продукты и были в изобилии, мясные уменьшались. Консервов не хватало. Охота становилась невозможной за отсутствием дичи. Часть ее была уничтожена, часть утаплилась туда, где ее не могли настичь группы людей. Что касается домашних животных, исключая стада, которые были обречены, они все принадлежали к какой-нибудь группе и их смерть причиняла ей ужасные страдания.

Все только и желали любым способом добыть мясо другой группы.

Однажды, в четверг жители виллы «Асфодель» ожидали с нетерпением газету. Они сидели за своим скромным завтраком, состоящим из горошка, жареного картофеля, груш и винограда. Горничная подавала кофе.

— Газет все еще нет, — заметил Лангр.

— Их появление сопровождается шумом, — отвестила прислуга. — Группа почтальонов очень шумлива. — Она была права: почтальон приходил окруженный толпой мальчишек и щенят; его приближение возвещалось криками, смехом, лаем.

Сабина разлила кофе. Лангр и Мейраль пили его молча. Вдруг из деревни до них долетел шум: — Почтальон!

Шум приближался. В нем различались крики детей, лай собак, иногда блеяние козы, карканье ворон. Почтальон жил в старой башне, где приютились и вороны.

Через пять минут Катерина принесла «Радиограф» и «Журнал». Лангр лихорадочно развернул этот последний. Известия были роковыми. Карнизоризм продолжал распространяться, случаи убийств увеличивались. В некоторых округах группы вступали в союз против других групп, что придавало резне вид сражений.

— Мы находимся между двух огней, — проворчал Лангр, отбросив газеты.

— Мы находимся между двух огней, — продолжал он. — Если болезнь разрастется в Парриже, весь город нахлынет в деревню. Мы должны быть готовы к появлению банд. Лионская область угрожает нам не менее. К тому же, кто может сказать, что опасность не будет грозить нам от населения прилегающих местностей?

— Во всяком случае, — вмешался Жорж, — наша область удивительно спокойна. Хотя ее запасы мяса истощены, никто еще не страдает от растительной пищи.

— Я страдаю от нее, — объявил старый ученый.

— Но это не отражается ни на вашем настроении, ни на вашем здоровье...

— Согласен; до сих пор оно не превышало посадки, вызванной невозможностью продолжать старую привычку. Но вместо того, чтобы уменьшаться, это неприятное чувство растет. Раню или поздно, болезнь охватит и нас, и от нее-то нам и нужно защитить себя.

— Как?—живо спросила Сабина.—Ведь, мяса больше у нас нет?

— Может быть, мясо и не так необходимо,— прошептал Мейраль.

Все посмотрели на него удивленно.

— У меня есть идея,—сказал он,—разрешите мне сохранить ее в тайне еще на несколько дней.

ГЛАВА VI

В лесу

На третий день Жерар почувствовал себя подавленным. Он провел ночь в кошмарах и просыпался, дрожа от ужаса. Проснувшись, он почувствовал озноб. В то же время его мучило странное желание мяса. Желание это становилось с часу на час нестерпимее.

Итак,—решил он,—я заражен карниворизмом.

К полдню озноб начался у Цезарины, а после завтрака и у маленькой Марты. Она стонала, прижимаясь то к Сабине, то к Мейралю. Ее болезнь приняла более острую форму, чем у взрослых, глаза ее стали мутными, ее схватывали судороги, а озноб усиливался до конвульсий.

В 2 часа Мейраль велел садовнику запречь осл.

— Куда ты? Зачем?—спросил Лангр.

— Мы в лес,—ответил молодой человек.

— Ты верно слышь с какой-нибудь целью,—настаивал старик.

— Не знаю... сомневаюсь. Потом увидим.

На его лице были написаны неуверенность и опасение. Лангр пожал плечами и решил ждать событий. Жорж сделал распоряжения Катерине. Садовник доложил ослу, что коляска готова. Это была запрятанная ему, довольно вместительная, легкая двуколка, служившая для различных надобностей, главным образом для перевозки провизии. В ней устроили сидения для Лангра, Цезарины и Марты.

Во всякое другое время этот караван показался бы странным и нелепым. Кроме семьи, служанок, садовника и его внука, за двуколкой следовали куры и петух, сторожевая собака, три кошки, кролики, стая голубей, воробьи, снегيري, малиновки, синицы, две сороки, большая жабка, двенадцать лягушек, еж, несколько мышей; но насекомые и вообще беспозвоночные животные отсутствовали, так как загадочная сила не распространилась на них.

Перезд через Рош-сюр-Ионн не возбудил ничего любопытства; каждый день видели жители подобные перемещения и привыкли к ним. Орда, так как это действительно была орда, перешла поле и достигла опушки леса. Лес опустел. Немногие его обитатели во время планетной катастрофы погибли. Даже животные были редки; их истребили вместо животных, вошедших в группы.

— Это словно девственный лес,—заметила Сабина.

И, действительно, редко можно было видеть такое обилие листьев, папоротников вышиной с дерево, такие густые чащи, в которых растения разбрасывали мириады своих семян. Несмотря на тревожное время, Сабина и Жорж находились под очарованием этого зрелища.

— Эта роскошь первобытных времен,—шепнул ей молодой человек.

Показалась поляна, на которой буйно росла трава. Поляна расширялась вдаль; в глубине ее виднелся домик, окруженный густой зеленью, за ним странные постройки с зеленой насыпью на крыше.

— Где мы?—спросил Лангр, который все время был в ознобе.

— На грибной гряде Венуз,—ответил Жорж.

Все ее знали. Она была создана пять лет тому назад Матвеем Венуз и его двумя сыновьями, которые мечтали о грандиозной эксплуатации грибов. Это предприятие поглотило большую часть их состояния, их труды только что стали вознаграждаться, как разразилась планетная катастрофа. Все они погибли в ней вместе со своими помощниками. С этого времени огромная грядка жила своей дикой, лесной жизнью.

— Почему привезли вы нас сюда?—устало спросил Лангр. И прибавил совсем тихо:

— Мне кажется, если б я мог бы съесть котлетку, я был бы счастлив.

Девочка тоже дрожала всем телом.

— Мы здесь останемся,—сказал Мейраль.

И, обращаясь к старому ученому, добавил:

— Вы меня извините, мой великий друг, я должен покинуть вас на время.

Он взял корзину и углубился в грибную грядку. Урожай грибов был чрезвычайно велик. Везде виднелись причудливые шляпки—розовые, рыжие, синеватые, серебристые. Жорж быстро различал среди них масленки и белые грибы, черные и белые сморчки, грузди, мухоморы—в количестве, достаточном, чтобы накормить маленький город.

В пять минут он наполнил свою корзину белыми грибами, шампиньонами и сморчками.

Нить, связывавшая его с группой, влекла его назад, и он поспешил вернуться.

Состояние Лангра, девочки и Цезарине ухудшилось и они погрузились в лихорадочное забытие. Садовника уже начало трясти. Сабина была бледна. По знаку Жоржа Катерина притащила из коляски маленькую керосиновую плитку, сковородку и пакет с маслом.

Через 10 минут масло зашипело на сковороде.

— Что там жарится?—спросил старик глухим голосом.

— Грибы,—ответила Катерина.

Он пожал плечами и впал в прежнее забытие. Время шло. Катерина следила за приготовлением грибов. Сабина и Мейраль хранили задумчивое

— Кажется, — сказал Мейраль, высунувшись в окно, — что стреляют в поселке Руг

молчание. Девочка жаловалась по временам, а лес шумел, как платье гиганта.

— Готово!—наконец, заявила Катерина.

Грибы аппетитно пахли. Жорж мягко положил руку на плечо своего старого учителя.

— Не хотите ли отведать грибов?

— Зачем?—спросил тот, с удивлением глядя на молодого человека.

— Я надеюсь, вам станет легче.

Лангр с сомнением покачал головой.

— Хорошо,—пробурчал он.—Не все ли равно грибы или что-либо другое.

Лангру, девочке и Цезарине подали по большой тарелке грибов. Все трое ели и глотали в полусне. Когда их тарелки стали пусты, казалось, что ошпенение увеличилось; ребенок был близок к столбняку, и охваченный тревогой Мейраль не смел посмотреть на Сабину. |

Вдруг Лангр прошептал:

— Я хочу еще. |

Ему немедленно наполнили тарелку.

В этот раз он ел с жадностью, с широко открытыми глазами.

— Странно,—сказал старик.—Сперва грибы мне не понравились, я бы предпочел хлеб и яйца, а теперь мне кажется, что я ем мясо.

Он кончил есть свою вторую порцию с жадностью и удивлением.

— По правде говоря, я с'ел бы еще.

— Не лучше ли подождать?—заметила Сабина.

— Я думаю,—возразил Жорж,—можно еще рискнуть полпорцией.

— Как вкусно,—объявил на этот раз Жерар. Его озноб стал проходить и глаза оживились. Цезарина и Марта поправлялись еще быстрее старика.

— Изумительно, что грибы обладают такой силой!—заметил Лангр.—Почему могут они заменить мясо, когда ни солодки, ни яйца, ни сыр не в состоянии этого сделать? Ведь грибы—почти то же, что губка, наполненная водой. В них ничтожно количество питательных веществ.

— Неужели вы думаете, спросил Жорж,—что карниворизм вызван недостатком питания? Не был ли он скорей отсутствием какого-то вещества, которое находится в мясе... Но если это вещество, или эта энергия, находится также в грибах, что нам до того, что они напоминают губки?

— Но почему же именно в грибах?

— Это загадка, как и все то, что нас окружает со времени катастрофы. Заметим все же, что гриб—растение паразитное. Он живет в роде того, как живут животные: не за счет минералов, а за счет жизни. Кроме того, наблюдается и некоторое сходство между мясом грибов и мясом животных. Одно и то же вещество, одна и та же форма энергии может роднить их.

— Пусть будет так,—согласился Лангр, еще слишком слабый, чтоб продолжать спор.—Мне только интересно, почему ты вдруг вспомнил о грибах?

— Меня на эту мысль навела наша собака, т. е. вернее та жадность, с которой она поглощала редкие грибы в нашем саду. Это меня заставило призадуматься.

— Я понимаю теперь,—ответил ученый,—я понимаю, почему ты это скрыл от нас!

ГЛАВА VII

Нападении карниворов

Через несколько дней группа Лангр—Мэйраль осторожно перекочевала в лесной домок. Кроме мебели, были перевезены туда все приборы лаборатории. Это поселение в лесу имело двойную выгоду: оно делало возможным пользование грядкой и обезпечивало безопасность на случай вторжения. Было неверно, чтобы эти группы направлялись в лес: поживиться им можно было только, ведь, в деревне.

В течение нескольких дней Сабина, при- и даже мужчины с лихорадочной поспешностью готовили консервы. Для семьи были заготовлены одни лишь грибы, но Лангр настоял, чтобы прибавили овощи к консервам, предназначенным для жителей деревни.

— Пусть они думают, что дело в рецепте,—настаивал он,—иначе они ограбят нас... Я боюсь, кроме того, что чья-либо болтливость может поставить нас перед новыми опасностями.

Симптомы карниворизма уже появились и в деревне. Обеспечив себя запасами провизии, Лангр и Мэйраль решили притти на помощь больным. Они явились сперва в дом почтальона, который после периода оцепенения находился в возбужденном состоянии, что являлось плохим признаком. Он принял гостей с недоверием, и понадобилось вмешательство Сабина, чтоб заставить его принять лекарство. После нескольких кусочков консервов почтальона охватил энтузиазм, который он выражал в радостных восклицаниях. Применен-

ное к другим членам этой группы, лекарство также оказалось чудодейственным. Они вылечили поочередно всех заболевших чудовишной болезнью жителей деревни без единой неудачи. Тогда уже не было границ доверию; «колдуньи», как дружески прозвали ученых, приобрели влияние, которое приняло в это тяжелое время почти религиозный характер. Это влияние распространилось на села Ванес, Коллимар и Руг, являвшиеся как бы предместьями городка, но не дальше. Сабина оказалась права: группы умели хранить тайну.

При этом правильное сообщение становилось все более и более затруднительным. Почта, телеграф и телефон бездействовали. Мрачные слухи передавались из деревни в деревню. Говорили

Вскоре он увидел мужчину и женщину, бегущих в пепельном свете луны

о нападении карниворов, ожидали страшных событий.

По совету ученых, деревня укреплялась: рыли рвы, строили баррикады, тащили ружья, вилы, топоры, ножи. В лесу садовник с помощью жителей Раш-сюр-Ионн баррикадировал тропы; Лангр и Мейраль готовили взрывчатые вещества и закапывали в землю мины.

Так прошел месяц. Страхи рассеивались. У всех здоровье улучшилось. Однажды ночью Сабина, Лангр и Мейраль были разбужены выстрелами, доносившимися к ним ветром.

— Кажется,—сказал Мейраль, высунувшись в окно,—что стреляют в поселке Руг.

Руг был самым отдаленным от деревни поселком и находился близ леса, в трех километрах от гряды.

Ночь была беспокойная. Бесчисленные тучи тянулись по небу, в проветах между ними мелькала луна, отбрасывая пепельные тени. Вершины деревьев шумели как-то особенно тревожно. Волнение усиливалось. Оно передавалось всей группе. Когда на пороге появился садовник, собака яростно залаяла.

— Ужас навигается,—шепнула Сабина.

— Что делать?—спросил Мейраль.

Не оставалось никакого сомнения, что поселок Руг атаковали карниворы. Частые выстрелы говорили о числе нападающих.

— Нельзя допустить их смерти, нужно попытаться что-нибудь предпринять,—отвечая на свой же вопрос, произнес Мейраль.

Лангр взглянул на дочь.

— Да, надо,—сказала она.

Все в доме проснулись, даже дети.

— Это напрасно,—заметил ученый,—верно, уже поздно.

Как бы подтверждая его слова, стрельба прекратилась после нескольких вопышек; лес погрузился в тишину.

— Драма закончилась,—прошпентал старик.

— Но как?

— Поражением поселка.

— Это еще неизвестно. И даже, если это так, мы не должны оставаться в бездействии. Ради нашей собственной безопасности мы должны пойти на разведку.

— Я ничего не имел бы против,—возразил Лангр,—но вылазка, ведь, это значит оставить флигель! А никто из нас не сможет удалиться один далее трех километров, даже двух!

— Попробуемся. Я пойду впереди. Садовник с собакой будут моим подкреплением. Конечно, я не дойду до поселка, да я и не думаю об этом. Это значило бы рисковать всей группой. Но я предлагаю, что некоторые из этих несчастных могли бы спастись бегством и присоединиться к нам.

Через две минуты Мейраль направился к поселку с садовником и собакой. Сперва идти было легко; после пятисот метров стало трудней, еще дальше—мучительно. Садовник остановился, пройдя километр, обливаясь потом. Мейраль продолжал свой путь с сердцебиением и одышкой. Его тянуло назад с такой силой, что он проходил бы более двух метров в минуту. Пройдя тысячи полторы метров, он остановился, обесиленный: у него началась мигрень, в голове шумело, тело ныло.

— По крайней мере, я исполнил мой долг.

Несмотря на силу, которая влекла его домой, он ждал в продолжении десяти минут, напрягая

слух. Наконец, ему послышались шаги. Вскоре он увидел мужчину и женщину, бегущих в пепельном свете луны.

— Они бегут. Как могут они бежать?—спрашивал себя Жорж.

Вскоре они приблизились. При свете луны, прорвавшейся сквозь тучи, Мейраль различил двух людей среднего возраста, женщина была моложе; ее лицо было безумное и странное. Они узнали Мейрала, и глухие жалобы вырвались у них.

— Они всех убили, всех убили!—кричала женщина.—Нам грозит смерть!

— Следуйте за мной!—сказал Мейраль.

Переход успокаивал беглецов, для Мейрала же он был наслаждением. Разыскали садовника. Наконец, показался дом. Мейраль добежал до него в четверть часа.

Беглецов отвели в гостиницу.

Их лица были угрюмы, они не могли оставаться на месте, мужчина ходил взад и вперед вдоль стен, женщина топталась на месте. Их глаза выражали безумный ужас. Из их хаотического рассказа оказалось, что многочисленная банда не ожидала нападения на поселок. Прежде, чем жители смогли опомниться, были разрушены стойла и хлева, животные были убиты или ранены топорами. Обитатели Руга, привлеченные криками, а еще тем общим чувством, которое связывало людей и животных их группы, выбежали из домов. Нападающие встретили их стрельбой. Обитатели поселка пытались ответить, но отчаянная групповая храбрость кинула их штурмом на врагов. Потери не останавливали их; все, даже женщины и дети, кинулись в эту слепую атаку. Враги отступали, осылая нападающих градом пуль.

В несколько минут было уничтожено три четверти осажденных. Тогда, вслед за возбужденными, оставшимися в живых отхватила паника. Они пустились бежать враспылку; нападающие уничтожали их, как козуль на поляне.

— А с ними разве не было домашних животных?—спросил Лангр.

— Нет, они были с ними, но находились на известном расстоянии,—ответил мужчина.

— Правильная тактика,—заметил Мейраль.—Животных легче убить, а судьба людей зависит от них.

Женщина внезапно зарычала, подняла руки, желая что-то взять, и грузно упала. Сабина наклонилась к ней, пытаясь облегчить ей дыхание.

— Она умерла,—прошпентал Жорж.

Зеркало, поднесенное к ее губам, не покрывало потом. Мужчина лежал в глубоком обмороке.

— Ее убил разрыв с группой,—печально заметил Лангр.

Э п и л о

После этого случая прошло пятнадцать дней. На территории все было спокойно; вторжение банд не повторилось. Группы не отваживались выходить за окрестности деревень. После недели полной отрезанности от мира обитатели лесного домика получили первую почту. Приход рассылного показавшись каким-то чудесным явлением.

«Тан» сообщал, что эпидемия идет на убыль. Карниворизм угасал, падение заболеваемости было более резкое, чем ее возрастание. Везде констатировался под'ем индивидуальной энергии; некоторые группы Оверна и Турени про-

являли симптомы распада; в больших городах нормальная жизнь начинала вступать в свои права. Поезда двигались с переборами; главные телеграфные линии работали по несколько часов в день; газеты печатались в Париже, в Лионе, в Бордо и Лилле. Но потери, причиненные карни-воризмом, казались огромными. В Париже пятая часть населения погибла. По первым предположениям, газеты сообщали, что потери в среднем равнялись одной десятой всего населения Европы.

— Мы дешево отделались,—сказал Мейраль.

— Благодаря нашему режиму. Зато мы не видим ослабления спаянности в нашей группе и в других группах деревни.

— Боюсь, что это также последствие нашего режима. Несомненно наш возврат к нормальной жизни будет значительно медленнее, чем во всех других местах. Придется довериться времени!

К весне оставались лишь рассеянные следы «группизма», да и то лишь в местностях, которые мало пострадали от эпидемии. Некоторые из этих группировок проявляли значительное ослабление связующего начала, в других же не замечалось никакого серьезного улучшения. Вскоре узнали, что эта стойкость совпадала со специальным режимом, режимом, который Мейраль ввел в Рош-сюр-Ионн. Замечательно, что запоздалые группы не испытывали никаких страданий и пользовались даже странными привилегиями: люди и животные казались неуязвимыми для паразитарных болезней; таким образом смертность была незначительна.

В Роше и Коллимаре за всю зиму была отмечена смерть лишь одного старика.

Тем не менее Мейраль и особенно Лангр испытывали некоторое беспокойство. Что же касается деревенских жителей, то после периода недоверия они мало-по-малу успокаивались. В их положении не было ничего неприятного; они решили—будь что будет, и исполняли свои обязанности.

Это положение вещей в некотором смысле нравилось физикам: оно давало им возможность довести опыты до конца, проверить их в малейших подробностях и увеличить число доказательств. Записки ученых Рош-сюр-Ионны революционизировали весь ученый мир.

Хотя они в некоторых пунктах сходились с англичанами, немцами, американскими, итальянскими и русскими исследователями, но их мнения далеко оставляли за собой самые тонкие исследования своих соперников. И когда они объявили день доклада о своих открытиях, академики всего света прислали своих делегатов. Заседание это было назначено на 20-е апреля.

Уже с 15-го числа начали прибывать лица, желавшие обеспечить себе место. С 17-го по 19-е Рош-сюр-Ионн наполнилась приезжими. Маленькие желтые японцы, худые, цвета корыцы индусы, мулаты, негры встречались с огромными скандинавцами, близорукими германцами, грубыми англо-саксонцами, нетерпеливыми итальянцами или гибкими славянами.

Пришлось расположить аппараты в садах, под щитами, которые защищали их от солнечных лучей. Для опытов же, требующих полутьмы, зрители должны были проходить маленькими группами.

Сначала некоторые зрители, особенно те, которые сами претендовали на значительные открытия, вызывали некоторый скептицизм. Но

мало-по-малу всеобщее удивление и восхищение дошли до энтузиазма.

Когда Лангр изложил изыскания, предпринятые в Рош-сюр-Ионн, овации прервали его. Но его заключительное слово было выслушано в молчании:

«Не может быть никаких сомнений относительно природы катастрофы, которая чуть было не уничтожила жизнь на нашей планете. Ураган энергии промчался по окружающему нас пространству, но эта энергия имеет лишь отдаленное сходство с нашей.

«И все-таки сходство существует, раз наша энергия при прохождении межзвездного цикла претерпела изменения, а в некоторых случаях и полное уничтожение. Благоприятно сложившиеся обстоятельства позволили нам подвинуть наши опыты несколько дальше, чем это сделано было нашими славными собратьями. Мы можем вывести заключение, что эти разрушения были в сущности метаморфозами. Это доказывает тот громадный прилив энергии, который мы пережили после первой стадии катастрофы. Вспомните необыкновенную пышность растительности и ту странную жизнедеятельность, которую можно было наблюдать в те дни. Из всех наших опытов мы можем заключить, что эта чуждая нашему миру энергия связана большим сравнительно с нашими количеством пролонжных или спиральных колебаний, но с той особенностью, что поперечная часть ее волн необычайно коротка. Когда эти волны встречаются со световыми волнами нашего мира, то происходит сложение их, которое и приводило к уничтожению ультра-фиолетовых, фиолетовых, синих, голубых и даже зеленых лучей.

«Теперь, господа, перейдем к самой волнующей из загадок. Я хочу сказать о том удивительном ряде явлений в живой природе, которые то пленяли, то устрашали род человеческий. Факты, которые выявились при наблюдениях—двойного рода: одни физиологические, другие физико-химические. Не будем здесь говорить о первых, которые вне нашей компетенции. В связи с карниворизмом, припомним только странные свойства грибов. В этом имеются указания, способные заинтересовать не только физиологов, но и всех тех, кто занимается физической химией¹. Что же касается самого группизма, то, если, с одной стороны, он казался бы должен остаться тайной, то с другой, нельзя сомневаться в том, что он зависит от двойной органической среды: органической среды земной и органической среды внешней. Другими словами,—человек и животные были почвой несомненно неблагоприятной, но все же возможной для культуры зародышей, падающих в нее из межзвездных пространств. Можно предположить, что каждая животная и человеческая группа была как бы добычей одного из таких зародышей, т.-е. живого существа. Но существа, которые таким образом развиваются в нас за наш счет, находятся в роковой зависимости от энергетической среды, столь роковой и для нашего света. Исчезнет эта чуждая нашему миру энергия, исчезнут и эти своеобразные паразиты нашего тела, вызвавшие «группизм».

¹ В грибах имеется особое вещество—хитин, из которого состоит скелет таких животных, как насекомые, раки, пауки.

«Позвольте мне, господа, закончить предположением, на которое мы с своей стороны смотрим, как на неизбежный вывод из наших наблюдений и опытов. Считая, что межпланетный ураган вызвал ряд явлений, сходных как с нашими физико-химическими, так и с биологическими, можно заключить, что наша земля встретила на своем пути свой особый мир, или осколок мира. Мир этот, очевидно, принадлежит к системе, очень отличной от нашей солнечной системы. Ведь вполне возможно, что наше пространство содержит разного рода миры: одни — способные действовать частично друг на друга, другие — почти совершенно безразличные друг для друга и даже взаимно проницаемые один другим. В этом последнем случае совместное существование миров, какова бы ни была их близость, не дает повода к какому бы то ни было заметному нарушению порядка в каждом из них. Но зато в первом случае возможны настоящие катастрофы, и при том тем более страшные, чем более сходны между собою эти миры. Мир, который только что пронизал нашу систему, не был достаточно похож на наш, чтобы уничтожить нашу планету. Но все-

таки сходство это было настолько велико, что столкновение резко изменило проявления энергии нашего мира и даже угрожало жизни на земле. Если бы сходство было на йоту больше или сближение миров продолжалось бы дольше, весь животный мир погиб бы!

«Как бы то ни было, мы выдвигает гипотезу, что мы испытали столкновение с миром, который не смог привести земной мир к полной гибели. Но он произвел не мало нарушений в его природе, и этот мир, подобно нашему, содержит царство живых царств!

«Остатки чуждой энергии и чуждых, неизвестных нам существ, которые упорнее, чем в других местах, держатся среди нас, обитателей Рош-сюр-Ионны, теперь перестали уже быть опасными.

«Последние опыты, произведенные над группой Рош-сюр-Ионны, к которой мы принадлежим, кажутся нам в этом отношении решающими; паразитические организмы обречены на исчезновение».

Речь Лангра, прослушанная в напряженной тишине, была покрыта продолжительными аплодисментами.

Зимней зарей

За селом, в усталой непогоде,
Где рассвет с кумачной бородой,
Шьет метелица по новой моде
Сарафан березке молодой.

На пригорке звезды белым маком
Заливают лунные поля.
Пламенеющим лучистым лаком
Рукава окрасила заря.

Отвечает месяц над поляной,
Осыпается лебяжий пух.
На селе надрызисто и рьяно
Голосит заботливый петух.

Заморгали окнами избушки,
Утопившие нужду во сне.
Поскрей бы зимней деревушке
Рассказать о трепетной весне.

И. Кокорев

Пляска

Там за рекою, за перевозом
Машет росеетница мне платком.
Там за рекою такт морозы —
Воздух синет над серым льдом.

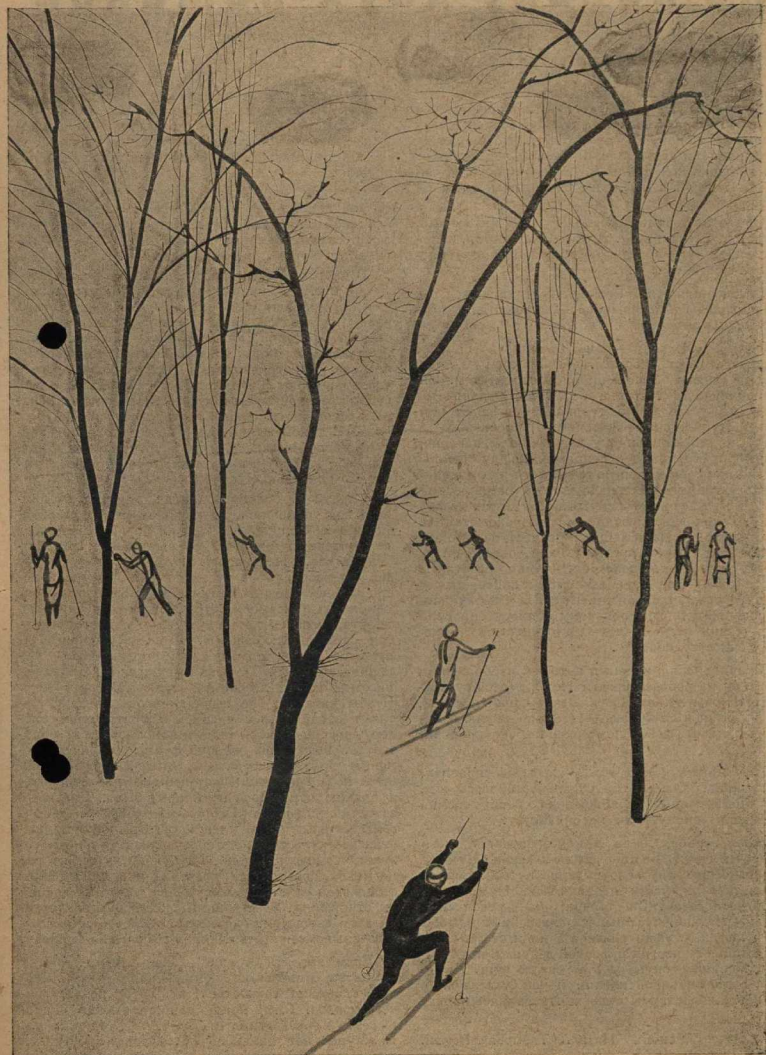
Вечер, гремя не громами, не бурю,
Песенной кровью гудя и гремя —
Сердце заносит над будничной дурью,
Пенное сердце на скалы стремя.

Падает снег. Разлетаются руки.
Рук я своих узнать не могу.
Еозгласы, песни, воярки и стук,
Музыки древней глухие звуки,
Я поднимаюсь — я лес в снегу,
Я поднимаюсь на всем берегу!

Кружится музыка, ноги сами —
Как удержать их! — ведут, несут.
Вот станька, и над глазами
Ресницы ровесницы на весу.

Вот я глаза закрываю, и лестница,
Лестница мчится от ног моих,
Вст я глаза закрываю — ровесница —
Пляска тебе и тебе мой стих!

Геннадий Фиш

Лыжники

Рисунок А. БРЕЯ.

По поводу двух романов

(Г. Никифоров „У фонаря“ и С. Семенов „Наталья Тарпова“¹)

БОР. ГРОССМАН

Вышедшая недавно первая часть романа Сергея Семенова «Наталья Тарпова» и напечатанный в пяти номерах «Октября» роман Георгия Никифорова «У фонаря» говорят о том, что пролетарские писатели все больше и больше переходят от тем гражданской войны к темам мирного строительства и в взаимоотношениям людей в этот период.

Оба этих романа вызывают ряд интересных вопросов, связанных с партийной работой, перерождением интеллигенции, восстановлением промышленности и т. д.

Остановимся на «женщинах» романов, так как в их образах авторы вновь и вновь ставят «проклятые вопросы» нашего быта.

Наталья Тарпова — дочь привилегированного в царское время рабочего. Тарпов-отец не имеет ничего общего с революционным движением. Индивидуальность Натальи с детства подавляется семейным уставом, она спокойно посещает гимназию и покорна родителям. Приобщение ее брата к революционному движению, его неожиданный отъезд, а затем непривычные для Натальи письма на революционные темы хотя и заставляют Наталью задумываться над некоторыми вопросами, но не могут все же толкнуть ее на активные действия. Только после революции перерождается Наталья Тарпова. Из немощной, бесцветной гимназисточки она становится партийкой, способной на весьма решительные действия. Активно работая на заводе (она — секретарь завкома), Тарпова распушена в своей личной жизни. Ее связи с мужчинами непродолжительны, к половому вопросу она относится очень легкомысленно, придавая ему самое упрощенное толкование.

Правильно ли подошел автор к изображению партийки из рабочей среды? Нет ли здесь сусальщины? Нужен ли нам образ Натальи, блуждающей, как выразился В. Фриче, «чрезмерно охотной в лабиринтах эротических похждений»? Оправдан ли этот образ?

Нам кажется, что образ Натальи оправдан, что никакого намека на сусальность здесь нет, а легкомысленные «похождения» своей героини Семенов не смакует, не идеализирует.

Ведь Тарпова жила в консервативной, хотя и рабочей семье. Ее творческая энергия не могла не только развернуться, но и проснуться. Всякая инициатива личности подавлялась. Нужен был такой основательный толчок, как революция, чтобы у Натальи раскрылись глаза на мир, чтобы она и людей, и вещи увидела в ином свете. Стесненная ранее энергия красивой девушки ищет выхода. Девушка окунула в самую гущу заводской революционной жизни, и чем больше она в нее погружалась, тем сильнее становилась жандя

жизни. Половая несдержанность Натальи — реакция на прошлую жизнь. Эту реакцию можно считать вредной. Но поступки Натальи оправданы и психологически. К физиологическим связям она не хотела прибавлять «излишней душевной нагрузки».

Вот как описывает Семенов свою героиню: «Очень деятельный партийный работник и очень красивая двадцатичетырехлетняя женщина, вся так и сквозившая тем острым, что у мужчин вызывает чувство с первого взгляда».

В скорости после своего домашнего раскрепощения она сошлась с женатым партийцем-товарищем, бросившим ради нее жену. Наверное, она даже любила этого своего первого мужа, но с этой стороны она никогда не думала о своей любви, придавая ей лишь то упрощенное толкование, которое уже становилось господствующим. Через восемь месяцев Тарпова ушла от мужа, ибо тот, движимый подлинным чувством, вздумал выкачать жене пару нежных и теплых, но ревнивых слов. «В таком мужиком к себе отношения Тарпова увидела стеснение своей личности — и ушла, дав себе на будущее зарок быть осторожнее и избегать длительных связей».

Случай в больнице, когда Тарпова сталкивается с комсомолкой, любившей комсомольца, но имевшей случайную связь с другим, нарушает ее душевное равновесие, заставляет ее задуматься. И вопрос, который раньше ее не интересовал: «А что, если она поступает неправильно?», возник, когда она увидела, что комсомолец и комсомолка страдают из-за неудачного аборта, когда комсомолку мучительно хочется спасти свою возлюбленную. Тарпова невольно задумывается над этим, целиком оправданным у Семенова, случаем. Тарпова вынуждена, как бы она ни отмахивалась, принять «душевную нагрузку». Чтобы нагрузка не была слишком тяжелой, Наталья обращается с письмом к брату-революционеру, сообщает ему о смерти комсомолки, но получает от него лишь общую фразу: «Твоя комсомолка — просто жертва революции». Такой краткий ответ не мог ни в какой степени ее удовлетворить, а больше обратиться не к кому было. Дальше — встреча с инженером Габрухом. Габрух — интеллигент. Семья, по его мнению, нужна, но супружеская верность вовсе не обязательна. Тарпова знает, что идеологически Габрух ей чужд, но тем не менее испытывает влечение к нему и отдает себе в этом отчет. Незвестно еще, во что выльются их отношения, между ними стал новый парторганизатор заводского коллектива Рябьев, и не исключена возможность влияния Рябьева на Тарпову.

Если подойти к еще неоконченному роману Семенова отвлеченно, схематично, с общей меркой, то может показаться, что автор не дает ничего нового. Тогда можно сопоставить по аналогии это произведение с «Луной» С. Малашикина. В «Луне» нет никакого обоснования поступков женщины, докатившейся до 22-го мужа. Тяня выдумана, она не женщина, такой молодости у нас нет. Образ Натальи Тарповой правдив,

¹ Сергей Семенов. — «Наталья Тарпова». Роман. Изд. «Прибой», 1927 г. Стр. 283, Ц. 1 р. 60 к. Георгий Никифоров. — «У фонаря» Роман. Журн. «Октябрь» 1927 г. №№ V—IX.

е поступкам предпсланы веские причины. Социально - психологический метод Семенова, его подход к человеку заставляет признать, что Наталья—живой человек, пусть и колеблющийся. Но кто из живых людей не сбивается с «хорошего» пути, чтобы снова на него стать? Ведь Наталья не аполитичная интеллигентка, а «очень деятельный партийный работник». Пройдя через многие су- ровые чистилища, она может быть, придет к бо- лее правильным убеждениям, переменит свой взгляд на мешанство и т. д.

Разумеется, замечания по поводу «Натальи Тарповой» могут быть лишь предварительными. Действие романа Г. Никифорова «У фонаря» тоже вращается вокруг завода, рабочего поселка. Здесь также выведен ряд характерных персона- жей. Но мы остановимся на одном из них—героине Анне Голандиной.

Она тоже дочь рабочего (шофера). Ее отец— коммунист, прошедший через тюрьму и ссылку. Голандин воспитывает в своей дочери преданность рабочему классу.

Сходство социального положения и происхо- ждения Натальи Тарповой и Анны Голандиной позволяет сопоставить этих двух героинь. Как и Тарпова, Голандина имеет партийную нагрузку, как и Тарпова, она заботится о своей личной жизни.

Но Наталья и Анна—типы разные, и подход к любви и половой проблеме у них неодинаков.

Анна Голандиной не с чем порывать. Ее семья рабочая и по духу, ей после революции не нужно было «домашнее раскрепощение», ибо она не была «крепостной». Поэтому реакция на прош- лую жизнь у Голандиной нет.

Анна любит одного—партияца Дениса Рамзаева. Личные, «любовные» переживания занимают в ее жизни незначительное место, и это, между прочим, придает фигуре Анны некоторую схематичность.

Как же смотрит Голандина на любовь? Если в ее жизни личные переживания занимают даже ничтожное место, то должен же быть все же у нее какой-либо взгляд. Приведем характерный диалог:

— Анка, когда же ты придешь ко мне?

— Вот же пришла.

— Ты смеешься, Анка! Я хочу, чтобы ты была со мной навсегда.

— Ф-фу, вечно-бесконечно... Какой ты скучный, Денисаретка. Одинокая камера всегда лучше общей.

— Откуда это у тебя?—тоская, спрашивал Рам- заев.

— У-у-у, я хитрая!—уже открыто смеялась Анна.—Я хочу сохранить тебя возможно дольше. Лучше приходит постоянно, чем раз уйти и не возвращаться.

— Что это—новая мораль?

— Нет, нет,—спешила опровергнуть Анна.— Это старенький закон любви и нашей женской свободы.

Когда же Рамзаев сообщает Анне, что «так нельзя», то-есть, что разговоры об их связи про-

должаются и, следовательно, им необходимо по- селиться в «общей камере», Голандина заявляет:

— А что, по-второему, должны делать обыватели?

— Обыватели? Но, ведь, большинство из них рабочие?

Г.— Я хорошо знаю, какие рабочие,—повто- рила Анна.—И о чем еще говорить? Что тебя бес- покоит? Мы встречаемся—или тебе этого мало? Скажут—это, милый, мимо. Слышишь, Дениса- ретка, ми-мо...

Вот как рассуждает партияка, вот в чем видит она мешанство. Если Наталья Тарпова видит свое раскрепощение в замене одного мужчины другим, то Анна Голандина принимает «старенький закон любви и женской свободы». Она, как мы видели выше, считает, что «лучше приходит постоянно, чем раз уйти и не возвращаться».

Совмещение личного и общественного, борьба этих двух начал за первенство—вот что мы видим в Тарповой и Голандиной. Если борьба двух на- чал в Тарповой еще продолжается, если ее обще- ственная жизнь не гармонирует пока с личной, то Анна Голандина прошла уже свой путь до «сюжетного конца».

Она связала свою судьбу с Рамзаевым. Но вот сравнительно спокойная их жизнь прекращается: Анна узнает, что Денис—дворянин. Ее начинают раздражать противоречия. Анна чувствует, что должна заявить в ЦКК, что Денис чуждый партии человек, что он скрывал свое прошлое. Вместе с тем она чувствует, что любит этого бывшего помещика. Все-таки долг победы дает. А когда ее в ЦКК спрашивают, как бы она поступила, если бы решение зависело от нее, Анна сказала: «Если он останется с нами, я буду с ним».

Семенов и Никифоров показали, в сущности, различных женщин. Характеры своих героинь они развернули по-разному. Если Г. Никифоров обрисовал несложный женский характер, более напоминающий схему характера, то Семенов вскрыл причины, заставившие Тарпову стать на путь мимолетных связей, временно игнорировать «душевную нагрузку». Это не значит, что вся ра- бочая женская молодежь относится к половой проблеме, как Тарпова первого периода (даль- нейших этапов мы пока не знаем). Писатель лишь талантливо показал тот процесс искания новых форм семьи, который (процесс) несомненно есть в жизни. Эти искания характерны и для рабочей молодежи.

Некоторые приемы Г. Никифорова надоедают. Так слишком часто он прибегает к эпистолярному методу: Рамзаев все время пишет письма своей заработной сестре Маринке (пишет, но не отпра- вляет), артельщик Чоссов ведет дневник и т. п.

В заключение отметим, что Г. Никифоров пы- тается опровергнуть точку зрения некоторых писа- телей на нашу женскую молодежь и нарисовать идеальную женщину. Хотя Никифоров не со- всем справился с задачей, попытку его надо при- ветствовать.

К каким окончательным выводам придет С. Се- менов, покажет продолжение романа. Во всяком случае, уже теперь надо признать, что автор «На- тальи Тарповой» идет по пути наибольшего сопро- тивления.

Инструменты ашугов—тара

Певцы народов СССР

(Ашуги, кобзари, бахши, хафизы)

Очерк ГЕОРГИЯ ПОЛЯНОВСКОГО

Государственная Академия Художественных Наук в ознаменование десятилетия Октябрьской революции в ноябре устроила музыкальную выставку искусства народов СССР. На эту выставку в качестве живых экспонатов со всех концов Союза съехались и музыкальные коллективы, в том числе—абхазские, дагестанские хоры и оркестры, белорусские, вятские коллективы и певцы многих других народов Союза ССР. Эта выставка музыкального творчества народов послужила поводом к помещению данного очерка

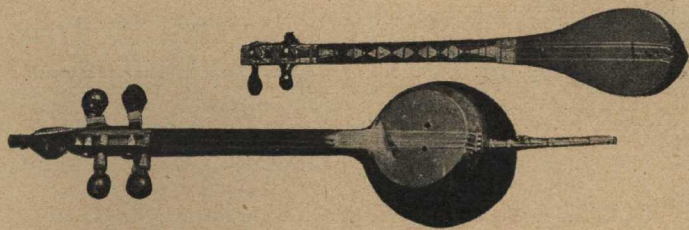
Народные песни не старятся. Созданные коллективом, для массы, они и существуют, питают ее художественные запросы. Много десятков народов Союза ССР имеют чудесные, во многом отличные друг от друга песни. Хранят их и странствующие певцы — музыканты-сказатели.

В стародавние времена назывались скоморохами—у нас, трубадурами—во Франции, менестрелями—в Англии, миннензингерами—в Германии. Потомки их бродят и поныне по аулам, деревням, кишлакам и селам всего мира.

Грузинские танцы

Инструменты ашугов: внизу—кеманча, сверху—сас

На Кавказе называются они ашугами.
 На Украине—кобзарями.
 В Туркменистане—бахшами и дутарчами
 В Узбекистане—хафизами.

Одни имена, разные инструменты, непохожие песни и слова. Но сущность песен—одна. Радости и горести народа изливаются во все времена в песне. И потому песня—живой, звучащий памятник истории. От нее ничто не укроется. А через нее смысл многих событий раскрывается.

Послушайте об ашугах.

Ашуги в переводе означает «влюбленные». Влюбленные в природу, суровые хребты снежного Кавказа, влюбленные в жизнь, влюбленные

в свои песни, влюбленные в стройных девушек. А раз—влюбленный, значит—певец. Коль скоро стал певцом, поле творчества все ширится, растет. Уж ничто не скроется от пытливого любознательности ашуга. Фантазия пылкая, южная доскажет то, что разумом не постигнуть.

Любят горцы коней. Сколько песен о них создано! Одна из лучших кабардинских песен—сказание о коне Каширге. Ашуги Сахт-Нова, Дживани пели чудесные песни, которые устным преданием сохранены до сих пор, вместе с именами первых их исполнителей.

Необычные для европейца напевы горцев: хоряд их отличен от нашего, более сложен, при-

Азербайджанский ансамбль

хотлив, создаст мелодии гибкие, змеинные, вкрадчивые и властные. А инструменты ашугов! Вот тара. Длинная шейка, в которой спрятанная и все время звенящая струна отличает тару от нашей гитары, мандолины. А корень один: тара—гитара. Это инструмент арабо-персидский. 13 струн перебираются медиатором и издают чудесные, поэтические звуки-звоны. Тара поет, жалуется, радуется. Тара в руках искусного ашуга—живой голос: и смеется и рыдает.

Вот кеманча. Это персидское название инструмента, похожего одновременно на скрипку и на виолончель. Смычок роняет кеманчу с ними. По-грузински кеманча—чиатура. На ней всего 4 струны, и смычок дугой проводит часто во всем ним одновременно. Звук таинственный, несколько тусклый. Ударные: бубен—«дан». И пальцами, и ладонью, и кисточками, и кистью ударяет в «дан»

Лихая грузинская лезгинка

ашуг. Другой ударник—«нагара». Это горшок с натянутым верблюжьим пузырем. Исполняет роль наших литавров. Все вместе эти инструменты составляют своеобразный оркестр. Ашуги—огромные мастера своего дела. Их игру трудно забыть.

Кочуя с места на место, они заходят и в чужие страны и так же, как кобзари, знакомятся с песнями других народов, заимствуют от них новые обороты и сами сообщают чужеземным песням только им свойственную первобытную прелесть, дикуую свежест мелодий.

Ленивые, бескрайние степи Украины, выжженные безжалостным солнцем, рождают песни и певцов совсем иного склада.

Кобзари—свидетели гайдамацких восстаний, турецких походов, лихих набегов казачьей вольницы и мирного труда упорных земледельцев, меланхолических чумаков.

Поют они исторические песни: «про Паляя та Мазепу», «про Максима Залізняка»—организатора гайдамацкого восстания в конце XVIII века, «про Морозенка»—есаула, помощника Хмельницкого во время восстания 1648 г.

Рядом с этими, огромного интереса историческими песнями кобзари поют свои «думы». Отличаются «думы» от исторических песен тем, что вторые имеют куплеты, все время повторяющиеся, а «думы»—это вольная импровизация на фоне рокочущих беспрерывно струн «кобзы». «Думы»—песни бытовые. В них есть много юмора, достается и мужу-собственнику, и попутруню, и бурсаку—латыннику (семинарист, говорящий по-латыни) и всем, кого языку не жаль.

Поют кобзари и современные, революционные песни. Поют с подъемом и верой и «марш червоної армії» и «Золоті хвилі» (рабочая песня).

Верный друг кобзари—его кобза. Это многострунный инструмент, равно настраиваемый. Кобзари перебирают струны ловкими пальцами. Звуки кобзы поэтому напоминают ласковый рокот, мерный говор «шопотком». Лихие плясовые песни получаются эффектно от «удара» по струнам пальцами. Кобза—очень поэтический и богатый самыми разнообразными оттенками инструмент. Он сейчас очень редок, но его вспоминают все чаще, и скоро, как домра, кобза займет подобающее ей место в народном быту.

Песни не дряхлеют. Но если на них мало обращают внимания,—они просто уходят из памяти. Поэтому надо собирать их, записывать, обрабатывать.

Ведь вот: как мало известны туркменские и узбекские песни, а сколько красот таят они в себе!

Длинная флейта «туйдюкчи» туркменского музыканта имеет свою поэтическую историю. Легенды рассказывают, что «туйдюк» родился из камыша, выросшего из воды глубокого колодца; водяной глади и изображению своему на ней — рассказал тыготившую его тайну юноша, красивый и стройный, которому вышел черед поборить голову великого полководца Искандера (Александра Македонского). При всех доблестях этого храброго воина был у него маленький недостаток — пара рогов, тщательно скрываемых от взглядов посторонних. Всякий бривший Искандеру голову подвергался казни. Но этого юношу Искандер помиловал, связав тайной молчания. Камышевая флейта, сделанная руками чабанов (пастухов), разнесла эту тайну и родила тучи чудесных мелодий. «Гидткячи», «туйдюкчи», «дугарчи» — все это туркменские музыканты. «Бахши» — народные певцы. До глубокой старости услаждают они слух своих соплеменников звуками родных, глубоких, мудрых и дивных напевов.

«Хафизы» — это певцы Узбекистана.

До сих пор расппевают хафизы свои «маккомы», музыкальные поэмы со стихотворным текстом. Это — классическая музыка узбеков. Уже 700 лет тому назад у них существовала нотная запись. Ученый этнограф В. А. Успенский нашел так наз. «хорезмские» ноты с 18 линейками, каждая из которых отмечала высоту звука.

Смачи разграбили один из кишлаков Ферганы. И обездоленные жители запели песню «Сабрджан». Маленькая, короткая песня. Но сколько глубокой скорби в нее вложено, какая изумительная сила выразительности!

Еще мало исследованы недра народной песни по всем уголкам нашего Союза. Кроме ашугов, кобзарей, хафизов и бахши, есть множество певцов и музыкантов других национальностей. И каждая песня каждого народа — огром-

ная ценность, которая не седеет, не старится, но которую забывают постепенно, так как новое время создает новые песни. Надо записывать и собирать народные песни, потому что они — живая, вечно звучащая история. А истории забывать нельзя.

В первых №№ «Смены» нового года читайте большой рассказ ДЖОНА РИДА — автора книги «ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯЯЛИ МИР» и интереснейшую повесть из индийской жизни — «СЛОН ПОМИНИТ» ЭДИСОНА МАРШАЛЛЯ

Плавный белорусский танец

Атака октябрьского репертуара

(Юбилейные постановки московских театров)

М. МОРГЕНШТЕРН

Революционная героика—это пафос этих спектаклей. Поэтому так много пороку на сцене, так много стрельбы и пальбы. Все театры переживают то период керенщины, то фронты гражданской войны, то эпоху французской революции.

На сцене раздаются политические речи; место первого любовника занял политический деятель, «вечная», как мир, борьба полов уступила место борьбе классов, партий. Сцена дышит революцией, политикой, классовой и гражданской борьбой. При этом оказалось неизбежным, что эта бутафорская революция на сцене стала одновременно и доподлинной революцией для театра. Артист, режиссер, художник, отдаваясь новой тематике, заполняя сцену то революционерами, то белогвардейцами, красными и офицерами, красными заговорщиками в лагере белых и белыми заговорщиками в стане красных, творят, создают новую театральную культуру, новые театральные формы и методы.

Без истории партии, без глубоких знаний истории борьбы классов, без ленинского «государства и революции» хорошего спектакля о революции не построишь. С того момента, как сценой овладела революционная тематика, перед театром, который не желает быть простым любителем, встает во всю ширь вопрос о всестороннем изучении всех теоретических и исторических документов эпохи.

Весь октябрьский репертуар построен почти исключительно на инсценировочных материалах. За исключением двух драматургов, все наиболее талантливые представители нашей драматургии, как, например, Биль-Белоцерковский, Ромашев, Тренев, Файко и др., в октябрьском репертуаре совершенно отсутствуют. Об этом приходится сильно пожалеть. Возможно, что в этом повинен не драматург, а та неслаженность, что существует обычно между драматургом и театром.

«Бронепоезд»

Ведущая роль в октябрьском репертуаре безусловно принадлежит «Бронепоезду» в МХТ 1-м.

«Бронепоезд 14—69»—таков полный титул этой постановки, которая является авторской инсценировкой, одоименной повести Всеволода Иванова. Действие происходит в Сибири, в тайге, в Приморском городе и на сибирской магистрали. Время—период ликвидации колчаковщины. Главные действующие лица—партизаны, во главе с Никитой Вершининым, и... бронепоезд белых, во главе с капитаном Незеласовым. МХТ 1-му, повидимому, трудно было совершенно отказаться от любовных мотивов. Первая картина, где разгрызается любовная интрига в белогвардейском стане, органически не имеет никакой связи со всей постановкой. Здесь МХТ 1-й как бы отдает должную дань прошлому. Ни театр, ни зритель

„Бронепоезд 14—69“ в 1 МХТ'е. Сцена из 3-го акта

ничего не потеряли бы, если бы эта картина совершенно отсутствовала. Зато остальные 7 картин проходят с исключительным подъемом. Качалов дает вождя партизан Вершинина. Его толкование этого персонажа очень условное и даже спорное. Правда, роль Вершинина — нелегкая роль. Вершинин пришел к революции как бы случайно, будто только благодаря тому, что карательная экспедиция белых (японцы) уничтожила его добро, убила его детей. Качалов дает его очень разумным и расчетливым мужичком, который втянулся в революцию и честно, по мере сил, руководит ею, но без особого творческого пафоса и увлечения. У зрителя остается сомнение: стали бы партизаны терпеть такого вождя с полюю душою, чем бы он смог завоевать себе авторитет в их среде? Зато партизаны в массе замечательно удались. Это доподлинные дети земли, восставшие за свою землю, за крестьянское дело, прекрасно знающие, за что борются и как надо бороться. Это доподлинные мужики определенной бедняцко-средняцкой прослойки.

Фигуру белогвардейца Незеласова театр дал в своеобразно-трагическом освещении. Человек, совершенно изверившийся в белое дело, хорошо сознающий, что начальство намеренно посылает его на верную гибель, чтобы овладеть его невестой, в силу каких-то необъяснимых причин покорно выполняет все предначертания. Здесь налет какой-то достоинщины. Не отражает природы белых и фигура Обаба—солдафона, тупого, бездушного и хищного животного, все помыслы

которого сконцентрированы вокруг ордена. Как Незеласов, так и Обаба—скорее гримасы белогвардейщины, а не подлинное ее лицо.

Среди героев «Бронепоезда» необходимо выделить Пеклеванного. В толковании этой роли МХТ проявил максимум своего мастерства и творчества. В Пеклеванном даны еле уловимые очертания облика Ильича. С большой чуткостью и вполне оправдываемой осторожностью театр показал Илью Григорьевича (Пеклеванного), манерой движения рук, походкой, костюмом, речью напоминающего собою молодого Ильича. Когда в дело во время замешательства перед сигналом к восстанию торжественно возвещается «о приходе» Пеклеванного и... вместо «прихода» его вносят на носилках убитым предательской рукою, в зрительном зале воцаряется настроение памятных ленинских дней. На сцене какая-то особая настороженность,—это не паника, не уныние, не растерянность, а наоборот, какая-то особая волнующая приподнятость. Вопрос о восстании в связи со смертью вождя не только не снят с очереди дня, но, наоборот, наиболее несомнительные рабочие в этот момент призывают «загудеть» к восстанию. Эта сцена одна из лучших страниц высокого мастерства, исключительной высоты художественной чуткости, художественной правды МХТ 1-го.

Очень удачно и интересно вещественное оформление спектакля. С исключительным мастерством полана маленькая станция Сибирской магистрали, полотно железной дороги, бронепоезд

„Разлом“ в театре им. Вахтангова. Сцена из 2-го акта

(изнутри), депо. «Бронепоездом», несмотря на отдельные недостатки, имеющиеся в этом спектакле, МХТ завоевал себе право на театральнопублицистическую публицистику, на обсуждение и разрешение общественно-политических проблем с театральными подмостков. Цель «Вишневых садов» и «Дядей Вань» прорвана прекрасной атакой октябрьского репертуара. Слово за драматургом.

«Разлом»

Не меньше художественного мастерства проявил театр им. Бахтангова своей постановкой «Разлом». Кронштадт и «Аврора» в дни Октября—благодарнейшая тема для драматурга и театра. Эту тему никоим образом нельзя исчерпать одной постановкой, безусловно, она послужна канвой для многих других постановок. Лавренев (автор «Разлома») и театр Бахтангова отобрали многокрасочный эпизод октябрьских боев на крейсере «Заря» (читай «Аврора») в те часы, когда крейсер готовил свой знаменательный поход на Зимний. «Разлом»—это типичная матросская пьеса, с большим подъемом передающая думы, мысли и чаяния бунтующего Кронштадта в Октябрьские дни. Фабула до элементарности проста. Группа Белогвардейцев в предотвращение похода «Зари» против Зимнего готовит взрыв крейсера. Заговор своевременно обнаруживается, и катастрофа предотвращается.

Оформление спектакля протекает на совершенно своеобразно-оригинальных началах. Постановка подана в трехмерно-перспективном плане. Маленькая сцена театра искусными приемами режиссера и художника оказалась достаточно просторной и вместительной, чтобы в нескольких картинах отобразить крейсер и квартиру капитана крейсера в разнообразнейших перспективах. Театр, демонстрируя революционных матросов, как вершителей революции, энергично подчеркивает, что это только эпизод революции, что центр революции там—за бортом, в пролетарском Петрограде. Матросы не идеализируются, зритель в каждом мгновении чувствует и сильные и слабые стороны их революционного порыва. Концовка «Разлома» сделана поистине с гениальной простотой, с небывалым художественным чутьем и мастерством. «Разлом» порождает большой энтузиазм, невиданный подъем, и театр имени Бахтангова этим своим показом, этим спектаклем стал в ряд первых революционных наших театров.

«Мятеж»

В ряду других подъемных и «зарядных» пьес Октября на одном из первых мест стоит «Мятеж» Фурманова. Фурманов вообще просится на сцену, на фильм, на подмостки. Все творчество Фурманова—это конденсированнейшая героика. Участник и боец всех фронтов, он в самые критические минуты боевой обстановки всегда оказывался в самых решающих частях, исполняя самые ответственные поручения оперативного характера.

«Мятеж»—это эпизод гражданской войны на туркестанском фронте, где одна из частей Красной армии, подвизавшись нездоровому вину, взбунтовалась против советской власти. Инсценировка «Мятежа» сделана чрезвычайно удачно и является по существу одним из лучших драматургических произведений нашего времени. Заслугой этой ин-

сценировки является то, что инсценировщик и театр чрезвычайно бережно отнеслись к наследию Фурманова. Стиль остался почти в полной неприкосновенности. Кованый, стальной и окупой текст, текст Фурманова, добросовестно воспроизведен в драматическом показе. Любый драматург мог бы позавидовать Фурманову, в смысле чуткости и любовного отношения инсценировщика и режиссера к авторскому материалу. Театр проделал большую работу, создал ряд чрезвычайно интересных характерных типов, как, например, Шигабулинов (классический тип «национала»-коммунара), Иванов (Чвалинский), Караваяев-Ковров, мужик—Сашин. Недостаточно ярки Чеусов (Шишкин) и Фурманов (Давидовский). Особенно хочется отметить глубокое толкование роли Вали артисткой Пельцлер.

Весь спектакль протекает в обстановке большой приподнятости, настроение не падает ни на минуту. Театр МГСПС постановкой «Мятежа» выявил значительную одаренность своего значительно сколоченного коллектива. Театр МГСПС постепенно, но верно превращается в театр реалистической революционной героики и романтики, не увлекаясь никакими «взаимными» трюками и фортелями. Он непосредственно и элементарно понятен, как непосредственна и элементарна наша революция. Этот театр заслуживает большого внимания к себе, особенно со стороны рабочей молодежи, еще и потому, что он—единственный театр в Москве, который способен подготовить артистические кадры из рабочего молодняка и впоследствии, путем почкования, выделить от себя самостоятельный коллектив театра рабочей молодежи.

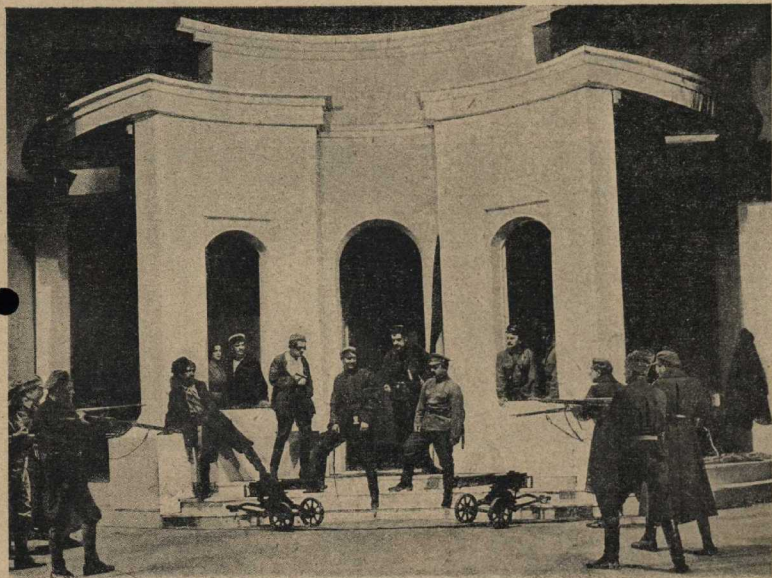
«Голгофа»

Театр Революции показал «Голгофу» Чижевского. Эта постановка отображает ряд эпизодов революции в деревне. Ставка пьесы—на типичную героев. Массовые сцены спектакля мало значительны. Вся интрига сосредоточена вокруг двух главных героев—Григорьева, крестьянина, ранее бывш. рабочим, и фон-Брига—белого генерала. Чижевский и театр старались подать Григорьева как можно проще, естественнее и непосредственнее; нельзя сказать, чтобы это и вышло. Зато исчерпывающе выявлена фигура фон-Брига, этого Мифистофела от белогвардейщины. Фон-Бриг пьян от обилия зверств, от обилия пролитой крови, ему все мерещится, что он недостаточно жесток, ему мало неистовств и зверства. Его трагедия в том, что он достиг предела избирательности своей мстительной жестокости по отношению классового врага. Обнаженный звериный инстинкт белогвардейщины запечатлен с исключительной отчетливостью, исчерпывающе рельефно. Будем надеяться, что автор (Чижевский) и театр (Театр Революции), сумевшие дать доподлинный психологический характерный тип белогвардейца во всей его звериной жутки, сумеют дать и революционера во всей его героической простоте.

«1917-й год»

Малый театр поставил «1917-й год» по Суханову. Это—историческая хроника периода Февраль—Октябрь 17-го года.

Приходится сознаться, что постановка не удалась. Слишком упрощено и примитивно она по-

дана. После «Заговора императрицы» едва ли было целесообразно для юбилейной октябрьской постановки демонстрировать идиотизм Николая, бесчестность и бездарность придворных и пр. и т. д. Основное внимание должно было быть направлено на «пломбированных» людей, на борьбу большевиков и меньшевиков. Пьесе следовало бы разделиться на два периода: апрель—июль (приезд Ленина и выступление большевиков) и июль—сентябрь (период, предшествующий захвату власти).

Спектакль не спасла ни сотня почти портретно поданных деятелей Февраля, ни шаржированная фигура Керенского. Было бы интереснее видеть типы, характеры, а не имена, мундиры и мундиры.

Малый театр, первый из академических театров пробивший окно в революционный репертуар постановкой «Любови Яровой», оступился на этот раз.

«Взятие Бастилии»

МХТ 2-й поставил «Взятие Бастилии» Ромен Роллана в чрезвычайно утрированной форме. Этот театр пережил в прошлом году большой идеологический и художественный кризис. После катастрофической постановки Орнштейна можно было

ожидать с его стороны большей осторожности в подходе пьесы, тем более для октябрьской постановки. Сама пьеса (хоть она и идет под маркой Ромен Роллана) весьма путанна и сумбурно отображает первый этап Великой французской революции, а театр в своем странном оформлении совершенно доканал ее. Фактически революцию по МХТ 2-му делают какие-то дэнди, котки и драчуны-спекулянты. Марат иступленно шаржирован, Робеспьер

просто какая-то развалина, дурачек в колпаке. Баррикада оказывается удобным подмошком для любовных усад. Самый момент «взятия Бастилии» протекает без элементарного освобождения арестованных. Несомненно, что МХТ 2-й

снова очутился перед тупиком, и опыт «октябрьского» спектакля это особенно обнаружил. А, ведь, этот театр обладает высоким мастерством и даровитым коллективом!

«Окно в деревню»

Театр имени Мейерхольда поставил «Окно в деревню». Собственно говоря, с этой темой мог бы справиться только один Мейерхольд.

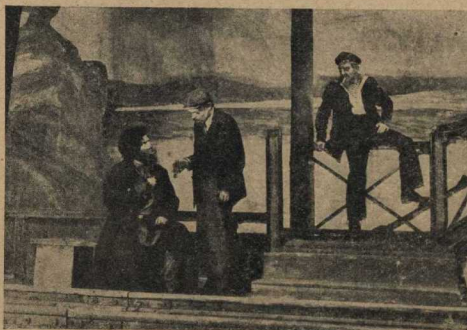
Только он один мог бы разрешить эту грандиозную задачу и в театральных публицистических тонах пояснить смысл, истолковать значение союза города с деревней. Но, к сожалению, в данной постановке очень слаб драматургический материал. Мейерхольд, повидимому, избегал углубленного толкования вопроса, постановка, повидимому, готовилась с большой поспешностью, и она оказалась со сцены неестественно прилизанной и как-то конфетно. «Окно в деревню» — не больше, как черновой набросок большой и интересной темы. От театра Мейерхольда, а он на это вполне способен, нужно добиться серьезной переработки этого спектакля.

Даже из тех беглых сценок «октябрьских» спектаклей, которые даны в этом очерке, можно сделать кое-какие выводы. Спору, что постановка к постановкам, работа над ними неизбежно революционизирует ла актерскую технику и оформление сцены. Бесспорно также и то, что ряд юбилейных постановок («Бронепоезд», «Разлом» и «Мятеж») вылились в большое художественное достижение и стали юбилейными в самом серьезном смысле этого понятия.

Пойдти к теме революции только внешне — для наших дней значит дать холушный спектакль. И те частичные неудачи, которые развернулись перед зрителем со сцены Театра Революции, 2-го МХАТ'а и Малого театра, связаны именно с таким подходом.

„Взятие Бастилии“ во 2-м МХАТ'е

„Бронепоезд 14—69“. Сцена из 2-го акта

„СМЕНА“ за 1927 год

I. Рассказы, повести, романы

Н. Богданов—Звездный прогреб (№№ 2, 3, 4).
Г. Гайдовский—Ночь в Феолосии (№ 11). Борис Губер—Карагач (№ 13—14). В. Доржанский—Воспитание принца (№ 12). Из рассказов Ирочки с Октябрьской—Шурка чудит (№ 11). Огорчение Дуськи Маленькой (№ 13—14). Дуська Большая выбирает жениха (№ 15). Повелась с комсомольцами (№ 16). Белла Илеш, пер. М. Зельдович—Топоры и пушки (№ 16). В. Карышев—В кишлаке Балл (№ 12). Б. Кулагин—Балалайка (№ 4). А. Лепов—Выстрел (№ 13—14). Стефен Ликок, пер. П. Охрименко—Воснная мания м-ра Джинкса и м-ра Блинкса (№ 8). Его же—«Золотые мечты»—1 доллар (№ 9). С. Малашкин—Под колеса (№ 17). Матэ-Залка—Сабля Семена Лифшица (№ 22). Н. Москвин—Грек в решетке (№ 17). Уорд Мур, пер. П. Охрименко—На океанской волне (№ 10). Г. Никифоров—Сыщик Зяблов (№ 1). Л. Никулин—Горячий парень (№ 2). Его же—Через подоконник (№ 5). Я. Новак—Веселый разговор (№ 18). Н. Огнев—Следы динозавра (№№ 4—8, 10). А. Палей—Гольфштрот (фантастическая повесть) (№№ 13—14, 15, 16, 17). Т. Петрова—Асанка (№ 5). М. Платошкин—В лесу (№ 15). М. Пришвин—Рассказ-игрушка (№ 6). П. Романов—Ее условия (№ 1). Ж. Рони, пер. Гатова—Болезнь света (фантастич. роман) (№№ 19, 21, 22, 23—24). И. Трусов-Заревый—За что убил брата? (№ 18). А. Узлеп, перев. с английск. Охрименко—В долине (№ 1). В. Черевков—Полный ход (№ 8). Его же—Смерч (№ 21). А. Яковлев—Свистун (№ 3).

II. Стихи

В. Аврущенко (№ 20). Д. Алтаузен (№№ 8, 15). Александров (№ 10). Л. Архангельский (№ 3). А. Безымский (№ 7). А. Бороховский (№ 22). Д. Бродский (№№ 12, 18). Бугаевский (№ 7). Н. Владимирский (№ 16). В. Долин (№ 18). Кузубай Герд (№ 12). Ив. Дворянский (№ 5). А. Жаров (№№ 1, 20). М. Исаковский (№ 12). Ив. Молчанов (№ 8). Дм. Остранин (№ 13—14). Ан. Пестюхин (№ 23—24). Дм. Петровский (№№ 3, 13—14). И. Поступальский (№ 11). Б. Скорбин (№ 16). М. Скуратов (№ 12). В. Соловьев (№ 3). М. Тарковский (№ 16). Вит. Уваров (№ 19). И. Уткин (№ 1). С. Чекулаев (№ 21). П. Чихачев (№ 16). М. Хехтер (№ 16). В. Шуликов (№ 4). В. Щепотов (№ 11).

III. Наш быт — очерки, фельетоны, документы

В. Безбородов—Английские машины и... Бейрах (№ 6). Г. Бергман—Не в губах суть (ответ на «Алые губы» Н. Погодина) (№ 15). И. Бобрышев—В борьбе за нового человека (№ 15). Л. Воронцова—Рязань на болоте (№ 18). Бор. Галин—Бунт комсомолок (№ 2). Его же—О Шуре с текстильной (№ 10). Его же—Конец Николая Курочкина (№ 16). П. Гуров—Винават ли я? (№ 15). Л. Железнов—Чубаровщина (№ 2). С. Карташев—Поход перед походом (№ 13—14). С. Карташев и Р. Кармен—С объективом сквозь стены аудиторий и общежитий (№ 19). В. Кетлинская—Цена девушки (№ 6). Виктор Кин—Пытка электричеством (№ 6). Комсомолец-отец (№ 21). М. Косовский—Историческая необходимость (№ 8). Антон Лепов—Зачет (№ 19). А. Лепов—Туристские разновидности (№ 7). И. Линн—Девушка и скука (№ 4). Очерк Д. Малдре—Свадьба

«На бору» (№ 6). Малогин—Опровергнутая Тоня Калашникова (№ 15). М. Попелюхер—От насмешек не стало житья (№ 22). Не попражай буржуа (№ 21). Н. Новоселов—На борту «Любозной Дочери» (№ 19). Письмо краснофлотца (№ 2). Н. Погодин—Алые губы (№ 8). Его же—Вы—идити (№ 10). Е. С.—Разврат ли это? (отклики на письмо С. Скворцова) (№ 11). Е. С.—Братья Кореньковы (№ 2). Б. Смирнова—Коммуны в Замоскворечьи (№ 3). М. Софиевский—Шлепанцы (№ 21). С. Скворцов—Разврат ли это? (№ 8). Суд читателей над выходцем из союза (№ 18). Читатели о «Цене девушки» (№ 9). Ш-р—Комсомольская дача (№ 13—14).

IV. Молодежь СССР в борьбе и строительстве

Баранов—Планеризм и молодежь (№ 19). В семнадиатом (№ 20). Д. Клянин—Комсомол на крыше мира (№ 12). Б. Лушин—Штурм вузов (№ 19). П. Лушин—Мои десять лет (№ 20). Молодняк на стройке (№ 20). Навстречу второму десятилетию (пожелания молодежи) (№ 20). Парни—на фронт, девушки остаются (№ 20). Оглянемся—подсчитаем (№ 20). Н. Погодин—Большая полнота (№ 5). Н. Потанов—Где они «горы золотые» (№ 18). М. Розенфельд и Л. Иохвед—На маневрах железа и молодости (№ 16). Н. Северяк—Кочующий агитатор (№ 12). Хаирхан—Женщины (№ 12). Н. Чаплин—К обороне (№ 13—14). С. Чуйков—Небесные горы (№ 12). Чувствуем ли себя хозяевами? (№ 20). О. Эрлберг—О русских пареньках (№ 21). Эрде—Фабрики красных спецов (№ 19).

V. Международное юнское движение. Мир капитала и труда

Дм. Бух—Два Берлина (№ 5). М. Бородин—Дети красного Китая (№ 21). С. В.—Наброски о юношах Парижа (№ 23—24). А. Джекисон—Кровь на Ян-Цзы (№ 7). За рубежом (№ 20). А. К.—Комсомольская эскадра (№ 8). А. Карцев—Именем республики (№ 21). И. Линн—Китайская грамота (№ 8). Б. Н.—Враг в штатском (№ 17). О мире всего мира помолемся (к вопросу о разрушении) (№ 22). Памяти Сакко и Ванцетти (№ 16). Паразиты (будни салонных дам) (№ 3). Хашт—Молодежь в Персии (№ 13—14). С. Ш.—Кровью и пытками (№ 16). Р. Шиллер—Тринадцатый МЮД (№ 16). Я. Юдицкий—Знаменосцы мирового комсомола (№ 16). Его же—Отечество молодости (№ 21).

VI. Индустриализация, техника и наука

Н. Бабаяев—Рули и крылья (№ 19). Ф. Борисов—200.000 велосипедов (№ 15). Б. Галин—Форд в Замоскворечьи (№ 5). О. Дрожикин—Новейшие достижения военно-разрушительной техники (№ 3). Искусственное небо (№ 18). Крижиковский—Ленин и техника (№ 2). П. Л.—В 28 часов через Атлантический океан (№ 4). Кириллов—Зимой на сферике (№ 3). П. Л.—2% вдохновения и 98% пота (Эдиссон) (№ 5). П. Лопатин—Волга—Дон—Азовское море (№ 4). Его же—Днепроштурм—советская Ниагара (№ 1). Его же—Мастерские здоровья (№ 13—14). Его же—Миллиардный клад Соликамска (№ 5). Его же—Туркестано-сибирская магистраль (№ 2). Его же—1904 год (№ 17). Его же—Атака советского хлеба (№ 18). Его же—Единственный в мире (Институт охраны труда) (№ 15). В. М.—Не конец ли Крыму? (№ 19). В. Немцов—Радио летом (№ 11). Новости техники и науки

(№ 1, 2). Я. Тьярт—Человек против танка (№ 1). «Чудеса культуры» (№ 4). Электрические «чудеса» (№ 5).

VII. Исторические очерки и воспоминания

Генералы, атаманы, банды (№ 20). Н. Бонч-Бруевич—Мать Владимира Ильича (№ 2). А. Коллонтай—По «божеским» делам у монахов (№ 20). Октябрь не за горами (хроника событий) (№ 20). Н. Погодин—Народ, у которого украли историю (№ 12). Н. Семашко—Цари-выродки (№ 4). Юбилей клеветы (враги об Октябре) (№ 20).

VIII. По СССР, страны света, туризм

А. Акмолинский—Республика на озерах (№ 12). В. Аликантов—В Теберду (№ 11). Л. Бархаш—За массовый туризм (№ 7). Его же—5.600 метров (восхождение на Эльбрус) (№ 19). Г. Б.—Пять маршрутов по Кавказу (№ 7). Его же—Лето зовет (маршрут по Северо-Западу СССР) (№ 9). Н. Бухов—Экспедиция на вершину мира (№ 1). Водю, горами и сушей (№ 6). В пути пригрозится (№ 7). Н. Иванова—Там, где бананы и хлебное дерево (№ 3). В. Ковшаров—По Десне и Днепру (№ 7). В. Майков—На тюлений (№ 15). А. Макаров—Чувшая красавица Урала (№ 7). Б. Г.—На лыжах по Скандинавии (№ 7). К. Елисеев—«На руках» по Северной Двине (№ 10). Князев и Фрейдберг—45.000 километров на велосипедах (№№ 6, 7). Курелля—Одежда туриста (№ 8). Д. Лухманов—Вы были в Аргентине? (Поход «Товарища») (№ 17). С. М.—Красоты горного Крыма (маршруты по Крыму) (№ 13—14). На вечер массового туризма (№ 11). М. Преображенская—Под жгучим солнцем—по вечным льдинам (маршруты по Военно-Грузинской дороге) (№ 13—14). И. Саркисов—Сезаны—От Крыма до Алтая (практика туризма по СССР) (№ 11). В. Семеновский—Первые комсомольцы на вершине Казбека (№ 7). С. Сергел—Навстречу Волге (№ 8). М. Розенфельд—Необыкновенный рейс (№ 17). Д. Ударов—Научитесь читать карту (№ 9). Хаир-ханум—Горячее море (№ 23—24). В. Чаликов—Прощай, земля! («Товарищ» в Ледовитом океане) (№ 18).

IX. Спорт, физкультура, гигиена молодежи

Алкалаев—Как устроить простой и дешевый тур (№ 6). Его же—Как за ней ухаживать (уход за малокалиберной винтовкой) (№ 13—14). Л. Бархаш—Женственность и физкультура работницы (№ 5). Его же—Всесоюзный праздник зимнего спорта (№ 4). Б. Громов—Десять минут утренней гимнастики (№ 1). Его же—Игры зимой (№ 2). Проф. С. Бутурлин—Охота и молодежь (№ 23—24). Проф. Гориневский—Летний отдых молодежи (№ 10). Грандиозный пробег Москва—Ленинград (№ 15). А. Залкинд—Нервы молодняка (№ 10). Зря не будут летать наши пули (№ 13—14). Л. И.—Как жить летом (№ 11). Каким спортом заниматься зимой? (№ 22). Н. Крыленко—С ружьем по снегу (№ 23—24). П. Лебедев—Бой за теленка (национальные игры) (№ 12). Я. Мельников—В борьбе за секунды (№ 22). На всеобщем празднике спорта (№ 17). Я. Озбег—В стране лыжников (№ 22). С. Пархоменко—По следам примет (наблюдение за зимней природой) (№ 22). П. Свифт—За спорт, против мордобоя! (№ 23—24). Спорт и сердце (анкета специалистов) (№ 10). Спорт рабочей Германии (№ 13—14). Спорт рабочей Запады (№ 15). Умеем ли мы отдыхать? (анкета) (№ 10). Н. Четкин—Как я стал хорошим стрелком (№ 13—14).

X. Литература, печать, чтение

Ал. Гатов—Ари Барбюсс (№ 18). С. Безбродов—Психология спящего слона (№ 9). Ф. Березовский—Процесс четырех (№ 9). Панкрат Бульвар—Луна без чермухи или любовь из Собаьего переулка (№ 9). С. Виноградская—Единственные в мире (6-ки Институты Ленина и Маркса и Энгельса) (№ 9). Б. Гросман—По поволу двух романов («Наталья Гарпова» и «У фонаря») (№ 23—24). И. Ипполит—Славный вокальный «хвостик» (Интернационал Молодежи) (№ 20). Его же—Десять лет «Юного Пролетария» (№ 22). П. Коган—Взращенные Октябрем (№ 20). И. Кубиков—Вечный капитал литературы (№ 9). Н. Н.—Книги о Севере, море и труде (№ 2). Елена Л.—Жидкий цемент (По поволу новой повести Ф. Гладкова) (№ 21). И. Лин—Разговоры в полдень (чтение девушек-работниц) (№ 9). Литературные новинки (№№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12). А. Луначарский—Десять книг за десять лет революции (№ 9). Н. Погодин—День в «Правде» (№ 9). Х. Союнов—Молодая вода (переводы на предприятии) (№ 9). О. Стронг и М. Гр.—Литература «колумбовых молодцов» (№ 22). Что они читают? («портреты-загадки» и ответы на них) (№№ 9, 13—14). Я и мой читатель (ответы на анкету «Смены» А. Жарова, М. Колосова, М. Светлова и И. Уткина).

XI. Театр, кино, музыка, клубы

О. Бескин—Чем нас кормят экраны? (№ 23—24). С. Виноградская—С клубной встравы (№ 23—24). Л. Г.—Пушкин на ленте (№ 17). Его же—Монтаж жизни (№ 18). Мих. Д.—Ухабы (№ 21). Когда станки смолкают (отдых молодежи) (№ 6). М. Моргенштерн—Московские театры—десятилетие Октября (№ 23—24). О. П.—Кружева (№ 19). О. П.—В кривом зеркале (№ 19). Г. Полноковский—Певцы народов СССР (№ 23—24). Пробная мобилизация (№ 2). М. Соколовский—Трам (№ 3).

XII. Фото-хроника

Вот чем грозят нам капиталистические миротворцы (№ 11). Дни великого юбилея (№ 21). Звездный лыжный пробег (№ 11). Праздник гармономики (№ 1). Пятнадцатый съезд ВКП (6) (№ 22). Спорт (№ 3). Там, где балла тюрьма народов (№ 12). Хлеб идет (№ 16). Шахматный турнир молодежи (№ 1) и др.

XIII. Разное—почтовый ящик, конкурсы, шашка и шахматы

Почтовый ящик (№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 12, 15, 17). Стрелковый конкурс молодежи (№№ 3, 4, 5). Фото-конкурс «Смены» (№ 21). Шашки (№№ 4, 6, 8, 10, 12, 16, 18, 22). Шахматы (№№ 3, 5, 7, 9, 11, 13—14).

XIV. Иллюстрации

Художников: Б. Берендгофа, Брея, С. Волцого, Гольца, Г. Гросса, К. Елисеева, В. Ефанова, К. Кольвица, Н. Кузнецова, Курьяников, Ю. Курьянова, В. Литко, С. Лодыгина, И. Милютина, Е. Мандельберга, С. Прусова, А. Радакова, К. Ротова, Н. Соколова, П. Старонова, М. Храпковского, М. Черных, И. Янга и др.

Фотографов: Гроховского, Ф. Зубкова, Р. Кармена, С. Красинского, Е. Лангмана, Прескльши ТАСС, И. Риска, Руссфот, Самсонова, В. Савельева и др.

Издательство ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва. Центр. Новая пл., д. 6

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

„СМЕНА“

Романы, повести, рассказы — путешествия и приключения — жизнь и быт молодежи — фото-хроника — новости науки и техники — шахматы и шашки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1928 ГОД

Подписная цена на журнал „СМЕНА“ в 1928 году снижена на 50%

Цена отдельного номера в розничной продаже вместо прежних 20 к. только 10 коп.

В предстоящем 1928 подписном году журнал «СМЕНА» будет выходить в реорганизованном виде и измененном формате и даст на своих страницах

**ДВА БОЛЬШИХ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИХ РОМАНА
ОДИН БОЛЬШОЙ РОМАН ИЗ БЫТА МОЛОДЕЖИ**

Повести и рассказы лучших современных русских и иностранных писателей. Стихи А. Безыменского, А. Жарова, М. Светлова, И. Уткина и других лучших комсомольских поэтов.

Путешествия и приключения на суше, на море и в воздухе.

Жизнь и быт молодежи — постоянное обсуждение вопросов быта молодежи при активном участии читателей и борьба за новую культуру среди молодежи.

Молодежь на суде — важнейшие судебные процессы и связанные с ними вопросы.

Новости науки и техники — открытия, изобретения, достижения в области науки и техники в СССР и за границей.

Фото-хроника ознакомит читателей со всеми важнейшими политическими событиями и современной жизнью Советского Союза и стран капитализма.

Физкультура — все новости в этой области, борьба за здоровую молодежь.

Шахматы, шашки, задачи, загадки, фокусы. Турнир читателей - шахматистов по переписке.

Театр и кино.

Ю м о р.

Что читать читателям „СМЕНЫ“

БОЛЬШАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛОТЕРЕЯ!

ЦЕННЫЕ БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

СЛЕДИТЕ ЗА ОЧЕРЕДНЫМИ №№ „СМЕНЫ“

Цена 20 коп.

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, центр., Новая пл., д. 6

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

„СМЕНА“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 г.—1 р. 80 к., на 6 мес.—95 к., на 3 мес.—50 к., на 1 мес.—18 к. Розничная цена отдельного номера—10 к.

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Для годовых подписчиков, при непосредственном обращении в Главную Контору и при условии сдачи подписки не позже 15 января, книга Б. Кальпес «Физкультура для всех. С 46 рисунками (цена в отдельной продаже 75 к.).»

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписчикам на срок не менее 3 месяцев предоставляется право получить за особую доплату, по значительно пониженным ценам:

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ И НА МОРЕ—из 10 книг:

Адалис, А. и Сергеев, И.—Абджед-Хевез-Хютти. Роман приключений. В переплете. Ц. 1 р. 90 к. Беляев, В.—Радио-мозг. Ц. 35 к. Кольчугин, А.—С кровью на непобедимой Армаде. Роман. Ц. 1 р. 50 к. Каринцев, Н.—Тайна двух материков. Приключения в Африке и в Азии. С 24 рисунками. Ц. 1 р. 50 к. Леман, Трагоут—Белая чума. Роман из жизни современной Германии. Ц. 1 р. 35 к. Окунев, Я.—Катастрофа. Социально-сатирическая повесть. Ц. 90 к. Стонов, Д.—Полянские дни. Повесть. Ц. 1 р. Тудуз, Жак—Человек, который украл Гольфштрем. Роман. Ц. 90 к. Тудуз, Жак—Разбудивший вулканы. Роман. Ц. 1 р. 25 к. Шишко, А.—Аппетит микробов. Роман. Ц. 1 р. 50 к.

ЦЕНА ВСЕЙ БИБЛИОТЕКИ для подписчиков—7 р. 50 к.
вместо 13 р. 15 к. в отдельной продаже.

БИБЛИОТЕКА КОМСОМОЛЬСКИХ ПОЭТОВ (новые книжки стихов)—из 5 книг:

Голодный, М.—Земное. Ц. 90 к. Малахов, С.—Песни у перевоза. Ц. 60 к. Модчанов, И.—Огонь. Ц. 1 р. 25 к. Светлов, М.—Ночные встречи. Ц. 1 р. Ушаков, Н.—Весна республики. Ц. 1 р.

ЦЕНА ВСЕЙ БИБЛИОТЕКИ для подписчиков—2 р. 50 к.
вместо 4 р. 75 к. в отдельной продаже.

БИБЛИОТЕКА ТУРИСТА—из 2 книг:

Первая книга туриста. С 64 рис. и 5 картами. В папке. Ц. 1 р. 65 к. Берман, Г.—Отдых летом. С иллюстрациями. Ц. 50 к.

ЦЕНА ВСЕЙ БИБЛИОТЕКИ для подписчиков—1 р. 10 к.
вместо 2 р. 05 к. в отдельной продаже.

МОЛОДОСТЬ. Литературно-художественный альманах группы писателей „Молодая Гвардия“.

В папке.
ЦЕНА для подписчиков—1 р. 20 к. вместо 2 р. 25 к. в отдельной продаже.
Подписку и переводы адресовать: В Главную Контору Периодических Изданий Издательства „Молодая Гвардия“—Москва, 9, Тверская, 37.